

З.Х. ИБРАГИМОВА

ПОЛИТИКА
И
ЭКОНОМИКА

Зарема Хасановна Ибрагимова

Царское прошлое чеченцев.

Политика и экономика

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17191956

Царское прошлое чеченцев: политика и экономика./ Ибрагимова З.Х.:

Пробел-2000; Москва; 2009

ISBN 978-5-98604-150-6

Аннотация

В монографии рассматривается история национальной политики и государственного управления на Кавказе. Изучается система государственных учреждений империи, занимающихся управлением окраинами, методы и формы управления, работа гражданских и военных властей, задействованных в управлении. Особенности национальной политики самодержавия исследуются на широком общеисторическом фоне с учетом факторов идеологии войны, внешнеполитической конъюнктуры. Также рассматриваются антиправительственные движения народных масс, выразивших протест против проводившейся царизмом политики дискриминации национальных меньшинств на Кавказе. В книге широко представлено исследование положения экономики в пореформенный период и адаптация населения к условиям капиталистической системы общественного

устройства. Монография написана ярким и образным языком. Содержащая много фактологического материала, убедительно подтверждающего выводы автора, книга будет безусловно интересна современному читателю, которому дорога история Российского государства.

Содержание

Глава I	9
Подготовка и проведение аграрной реформы	9
Сравнительная характеристика реформы 1861 г. в центральных российских губерниях и на Северном Кавказе	24
Динамика функциональных изменений в сельских общинах в ходе проведения реформы	34
Развитие арендных отношений, как результат перераспределения собственности на землю	39
Проведение земельной реформы в Чечне	52
Добровольное, вынужденное и насильственное переселение чеченцев на плоскость	59
Послевоенное переселение славян на Кавказ	63
Земля как форма награды кавказских горцев за заслуги перед Российской империей	66
Формы развития арендных отношений	73
Чеченская частная собственность на землю	84
Экспроприация и конфискация чеченских земель	93
Установление фискально-податного порядка	112
Функционирование налоговой системы в	117

имамате Шамиля	
Введение «подымщины» в Терской области	119
Военная реформа	124
Модернизация армии и флота	128
Заимствование европейского опыта военных реформ	131
Положение российских мусульман после проведения военной реформы	137
Итоги и уроки военного реформирования	140
Освобождение чеченцев от несения воинской повинности	144
Служба чеченских добровольцев в армии Российской империи	145
Конец ознакомительного фрагмента.	160

Зарема Хасановна

Ибрагимова

Царское прошлое чеченцев.

Политика и экономика

Светлой памяти дедушки Якуба

(урожд. с Ножсай-Юрт, Ножсай-Юртовский р-н

ЧР)

и бабушки Кавсарт

(урожд. с Галайты, Ножсай-Юртовский р-н ЧР)

Монография “Царское прошлое чеченцев: политика и экономика” напечатана по рекомендации Президиума Академии наук Чеченской Республики.

Книга издана при поддержке “Благотворительного фонда имени Зии Бажоева”

Прошу пройтись на Кавказ!

С какою, думаешь ты, рожей

Узнал заслуженный приказ?

Не восхищался ли, как прежде,

Одним названием «Кавказ»?

Не дал ли крыльишек надежде

За чертовщиною лететь,

*Как-то: черкешенок смотреть,
Пленяться день и ночь горами,
О коих с многими глупцами
По географии я знал,
Эльбрусом, борзыми конями,
Которых Пушкин описал,
И прочая... Ах нет, мой милый!
Я вспомнил то, кем прежде был,
Во что господь преобразил, —
И с миной кислой и унылой
И нос и уши опустил!*

А.И. Полежаев

* * *

*Когда прибежем мы под знамя
Благоразумной тишины,
Когда страстей угаснет пламя
И нам становятся смешны
Их своевольства иль порывы
И запоздалые отзывы, —
Смиренные не без труда,*

*Мы любим слушать иногда
Страстей чужих язык мятежный,
И нам он сердце шевелит.
Так точно старый инвалид
Охотно клонит слух прилежный
Рассказам юных усачей
Забывтый в хижине своей.*

А.С. Пушкин

Глава I

Решение аграрного вопроса на Северном Кавказе

Подготовка и проведение аграрной реформы

Северный Кавказ нередко представляют отсталой и замкнутой окраиной дореволюционной России, таким «медвежьим углом», невосприимчивым к поздно доходившим сюда нововведениям. Этот стереотип, созданный в русской литературе XIX в., рушится при внимательном изучении источников. В действительности регион чутко реагировал на все заметные перемены в общественном и политическом устройстве России. Сразу после окончания Кавказской войны на Северном Кавказе начался длинный ряд реформ. Эти преобразования определили ход развития местного общества и его положение в составе Российского государства более чем на полвека. Кавказ последней трети XIX в. послужил неплохим полигоном для теоретиков и практиков реформ. Впервые примененная здесь система военно-народного управления впоследствии была перенесена в Среднюю

Азию, присоединенную позднее. До начала 1860-х гг. разные районы Северного Кавказа не имели единой администрации, налогообложения и судопроизводства. Наряду с общероссийским гражданским управлением существовало военное. Огромные территории, занятые горцами и казаками, управлялись Штабом при наместнике через офицеров Кавказской армии, что было не очень эффективно. Проведение реформ привело к «общему знаменателю» все равноуровневое управление регионом¹.

Цель проведения реформ на Кавказе – упрочнение «спаянности» Кавказа с империей. Однако две противоположные стратегии осуществления этой цели будут соперничать, иногда причудливо дополнять или циклически сменять друг друга, смещая общий курс имперской административной политики на Кавказе то к централизму и унификации управления, то к регионализму и децентрализации. Данные стратегии противоположны, но, безусловно, связаны одна с другой. Централизм и унификация, вызванные стремлением плотнее привязать Кавказ к империи, игнорируя его особенности, содержат явный дискриминационный мотив в отношении «туземных групп». Это ведет к росту отчуждения кавказцев от империи, развитию антирусских настроений и, в итоге, к кризису управления многоэтничным регионом. Обращение к регионализму и децентрализации ослабляет напряженность, легитимирует культурное разнообразие и открывает Россию как страну для «коллективных возможно-

стей» (а, значит и как страну более свободную для «коллективного соперничества»), что в итоге ставит под сомнение общий смысл колонизации – русское поселенческое культурное доминирование в периферийных регионах. Как только единство империи оказывается под угрозой, ее стратеги вновь обращаются к централизму и унификации как спасительному укреплению самой несущей ее конструкции – самодержавию и русскости².

Серьезные перемены в организации власти на Северном Кавказе произошли после убийства в марте 1881 года императора Александра II, с началом так называемых контрреформ Александра III (1881–1894). В правительстве уже давно велись споры о чрезмерной дороговизне для империи кавказской администрации и опасности концентрации власти в наместничестве. Однако великий князь Михаил Николаевич Романов пресекал на корню все попытки урезать его права как наместника. В 1881 году Михаил Николаевич был назначен председателем Государственного совета (1881–1901). Вместе с тем ему пришлось покинуть Кавказ и сложить с себя звание наместника. Кавказское наместничество было упразднено. На Кавказе началась волна контрреформ, направленных против институтов, оставшихся от наместничества, в частности военно-народного управления. В Терской области был установлен военный режим. Военная, исполнительная и судебная власть в областях и округах была передана военным. Высшая петербургская бюрократия пыталась

упразднить и систему военно-народного управления, но не преуспела в этом. Начало Первой русской революции навсегда похоронило проект основных контрреформ³.

Аграрный вопрос на Северном Кавказе во второй половине XIX века являлся тем стержнем, вокруг которого скапливались не только социально-классовые, но и национальные противоречия и который требовал кардинального разрешения⁴. Развитие капитализма начало втягивать горцев в общемировой процесс. Появилась опасность того, что одни народы начнут развиваться быстрее и заявят претензии на свое доминирование. В результате могли возникнуть конфликты⁵. Россия, в период царствования императора Александра II, с 1855 по 1881 год сделала громадные земельные приобретения, частью – путём победы русских войск, иногда – с помощью мирных переговоров⁶. Представители властных структур считали, что: «...земля составляет неотъемлемое достояние того народа, который её приобрёл, присоединил к государственному своему строю ценою крови пролитой или труда и денег, затраченных на занятие и устройство территории...»⁷.

В ходе многолетней изнуряющей Кавказской войны неудачи русской армии заставили её прибегнуть к следующей военной системе. Было решено ограничиться в Дагестане оборонительными действиями и наступать медленно и систематично в Чечне, прорубая просеки в лесных масси-

вах и усиливая занятую территорию казачьими поселениями. Таким образом, планировали отнять у горцев плодородную плоскость и вынудить их покориться из-за недостатка хлеба⁸. Но даже и эти мероприятия казались царской России недостаточными. Руководство считало совершенно ненормальным то, что «...за время 50-летней войны, – как говорилось в донесении начальника Главного штаба, – чеченцы потеряли только около половины своих земель» и потому, по мнению царской администрации они «успели до сих пор сохранить то положение, оставаясь в котором, они ещё не скоро подчиняться вполне русской власти...»⁹.

Всё население Чечни, состоявшее из 81360 человек, было стеснено на территории в 76 кв. миль. Всего на 1 мужчину приходилось меньше 2 десятин земли¹⁰. Кавказская администрация после Кавказской войны считала, что все равнинные земли Терской области, всего Северного Кавказа «приобретены правительством России оружием и ценой крови, а потому считаются исключительно его достоянием»¹¹. В 1879 году О. Эйхельман в своей работе «Военное занятие неприятельской стороны» разъяснял действия международного права того периода, на занятой в ходе боевых действий территории. Он утверждал, что без власти над занятой неприятельской территорией, право оккупации, да и вообще войны, не имело бы реального смысла, так как две власти, рядом, действовать не могут. «Оккупант имеет полное законное право, –

писал О. Эйхельман, – всякое противодействие его повиновением и его безопасности наказать как преступление. Так на это смотрят военно – уголовные законы Франции, Германии и России»¹². Под оккупантами он понимал не какого-нибудь высшего начальника, а высшую власть государства, войска которого заняли эту неприятельскую территорию. Непосредственным представителем её являлся военный начальник или гражданское должностное лицо. Международное право здесь соблюдалось «доброй совестью и собственными интересами»¹³. Однако у государства, по отношению к завоёванному населению, были моральные ограничения. Вот что по этому поводу считал О. Эйхельман: «Современные понятия о государственной власти в культурном правомерном государстве, обставляют её ограничениями, требующими чтобы государственная власть соответствовала своему нравственному призванию. Действия власти действительно должны быть целесообразны для тех интересов, представителем которых она желает быть. Власть оккупанта, покоящаяся на могуществе физически более сильного, не имеет права на психическое принуждение посредством внешних мероприятий. Этническое отношение к власти национальной сложилось долгим процессом, поэтому принуждение населения к действиям, оскорбляющим это чувство, будет варварством, опасным, к тому же ещё для самого принудителя»¹⁴.

Немецкий правовед Пёлитц заявлял, что «... во время вла-

дения оккупированной территорией оккупант обязан воздерживаться от всяких действий, могущих затруднить восстановление мира; он обязан ею управлять, как доверенным ему имуществом. Он не имеет право изменять существующие начала правового порядка и отчуждать имущество. Насильственные перемены в общественном порядке, как вследствие революции, так и вследствие военной оккупации, которые друг другу уподобляются, уменьшают и смягчают причинённое ими неизбежное зло только посредством возможно тщательного приспособления к старому порядку». Немец Оппенгейм констатировал, что право собственности над занятой неприятельской территорией приобретает мирным договором, до заключения которого оккупанту принадлежит только право временного правления. Английский правовед Траверс Твисс считал, что отчуждение недвижимого имущества, отнятого у неприятеля, оккупанту не запрещается, но указывается лишь на то, что «...старый суверен не обязан признавать для себя такие акты обязательными, а против нейтрального приобретателя потерянной территории, даже может идти войной»¹⁵. Интересно отметить, что в русском языке слово «оккупация» известно с XVIII века, но сначала как бытовое слово со значением (скорее юридическим), «владение (поместьем)», работы по устройству (поместья)» и т. п. С современным значением слово «оккупация» – («завлечение» чужой территории с помощью военной силы) вошло в обращение в течение второй половины XIX века¹⁶.

Давайте вспомним для примера этапы колонизации Северной Америки. Войны с индейцами за их земли и за порабощение индейцев привели к сокращению индейского населения в катастрофических масштабах. В 2030-е гг. XIX в. правительство США передало индейцам земли навечно, но в 60-70-е гг. XIX в. большинство этих земель были отобраны под железнодорожное строительство и для добычи полезных ископаемых¹⁷. Не смотря на данные ущемления, юридических прав на свою землю у индейцев было больше, чем у горцев. В Соединенных Штатах Америки колонисты с индейцами заключали международные правовые договора. Признание «зависимого» состояния индейских племен не лишало их статуса целостного, самоуправляющегося, отличного от США, образования. Фактически была осуществлена политика «государства в государстве». В 1943 году был принят Индейский реорганизационный акт, по которому индейские племена могли создавать организации, вести переговоры и действовать в качестве юридических лиц. Благодаря принятию этого акта и специального акта 1946 года, с 1951 года индейцы стали обращаться с исками по поводу отобранных у них земель в Индейский кассационный суд. В ходе присоединения индейских земель в Канаде между колонистами и коренным населением Америки заключались двусторонние договоры, зачастую в устной форме, что ни в какой степени не умаляло их юридической силы. По этим договорам индейские племена уступали свои земли государству в обмен

на специальные права и привилегии для этих племен.

В XIX веке российское государство не заключало двусторонних договоров с горцами, только прокламации и петиции в одностороннем порядке провозглашали права и обязанности коренного населения Кавказа. Однако позже население Северо-Восточного Кавказа не только не получило обещанных прав, но даже во многом было лишено привилегий населения центральных регионов России. Политика «очистки» земель от индейцев восточнее р. Миссисипи была одобрена Конгрессом США. На Кавказе же заселение горских земель казачьим сословием шло директивным путем. В Терской области действовало особое «военно-народное» управление, однако государственного закона, в котором были бы разъяснены права и обязанности горцев, не существовало, поэтому царил произвол, и невозможно было подать иск на действия государства в судебную инстанцию. В Российской империи коренное население Кавказа стало, открыто заявлять о своих правах на конфискованные земли в начале XX века на заседаниях Государственной Думы. Однако рассмотрение этого вопроса дальше обсуждений так и не пошло¹⁸.

Аграрная политика царизма требовала создания необходимого земельного фонда для наделения казаков и чиновников, офицеров и представителей местной верхушки, прочно связавшей свою судьбу с царизмом¹⁹. Русское население должно было не только увенчать покорение края, оно само должно было служить одним из главных средств завое-

вания; ряды станиц должны были непосредственно двигаться за войсками. Горцы сейчас же поняли опасность, которой грозил им новый образ действий. Они говорили: «...укрепление – это камень, брошенный в поле, ветер и дождь снесут его; станица, это растение, которое впивается в землю корнями и понемногу обхватывает поле». Поселённые на равнинах, окружённые со всех сторон станицами, горцы уже почти не представляли для власти опасности²⁰.

Терское казачье войско являлось крупнейшим монополистом – землевладельцем на Северном Кавказе. В пользовании казаков находилась львиная доля земли: в Терской области – 94,1 %, в Кубанской области – 92,9 %, Донской области – 82,5 %. Казачество в целом было очень хорошо обеспечено землей. Неудивительно, что не казачье население «задыхалось» от безземелья²¹. Казачье войско, как владелец крупной земельной собственности, в условиях острой земельной нужды не казачьего населения, имело большие выгоды и получало за сдачу в аренду земли значительные доходы. Такое положение вполне соответствовало замыслам и политике царизма, который стремился укрепить экономическое положение казачества, как колониальной опоры в крае. С начала XIX в. казацкие старшины входили в состав русского дворянского сословия. Земли казачьего дворянства в 1848 г. были объявлены потомственной собственностью. В 1899 г. Терское областное правление приняло решение о выделении в

личную собственность участков для хуторов²².

Терское казачье войско, в начале двадцатого века, было достаточно обеспеченным в финансовом плане. Так, к примеру, в это время большую сумму Терскому казачьему войску должно было Уральское казачье войско. Согласно Высочайшей грамоте от 23 апреля 1906 г. Терскому казачьему войску были укреплены в вечное его владение предоставленные земли и рыболовные воды. Терское казачье войско имело право ограниченного распоряжения землей, в том числе – передача во владение и пользование по договорам аренды. Финансовую основу безбедного существования Терского казачьего войска составлял войсковой капитал, хотя помимо него существовали и станичные капиталы. При обращении сумм войсковых капиталов в Государственном банке, проценты на них платились наравне с частными вкладами. Для выдачи ссуд и пособий из общего войскового капитала Терского казачьего войска по сметам войска ежегодно открывался кредит, в порядке, предусмотренном для сметных кредитов. Ссуды выдавались как беспроцентные, так и с процентной ставкой 4 % годовых. За счет привлечения заемных средств войскового капитала Терского казачьего войска, его члены могли приобретать земли в частную собственность²³.

Народы Терской области – осетины, ингуши, чеченцы, балкарцы и другие постоянно испытывали нехватку земли. Тем не менее, областная администрация находила «свободные земли», которые в течение всего пореформенного пе-

риода отводились казачеству, местному и пришлому военно – чиновничьему элементу. Так, постепенно, в Терской области загоняли вглубь две проблемы – национальную и земельную²⁴. Признанный специалист по вопросам Кавказской войны Н.А. Смирнов писал, что в первой половине XIX века «царское правительство по-своему распорядилось плодородными землями на Кубани и Тереке, твёрдо решив, что они не будут возвращены их законным владельцам...» Стоило горцам, хотя бы временно, в ходе военных действий, покинуть насиженные места, как последние объявлялись свободными и немедленно распределялись. Когда чеченцы в процессе борьбы в июне 1840 года на время оставили свои земли и ушли в горы, царские власти немедленно объявили, что «чеченцы отказались от своей земли». Такая коварная колониальная политика продолжалась и в последующие годы²⁵. В 1854 году полковник царской армии Де – Саже писал: «Система войны против кавказской природы и сынов её избрана была верно. Каждый наступательный шаг отрезал горцам безвозвратный кусок их родной земли. Так покорены Малая Чечня и Галашки». Продвигаясь в горы, Ермолов вырубал леса и строил дороги, нарушая тем самым привычную среду обитания непокорных горцев и создавая благоприятные условия для дальнейшей экспансии. Для подрыва чеченской экономической базы во время войны разрушались непокорные аулы и изымались лучшие сельскохозяйствен-

ные угоды для передачи их колонистам²⁶. Бесперывные военные действия привели к тому, что в 1856–1857 гг. у чеченцев наступил голод. В результате чего чеченцы стали отпадать от имамата Шамиля целыми наибствами²⁷. Наместник Кавказа писал начальнику Левого фланга Кавказской линии: «...государь император приказать изволил покорность надтеречных чеченцев не принимать иначе, как под условием их разоружения и переселения во внутрь линии... правительство желает использовать бегство Надтеречных чеченцев и взять в казну их земли... на левом берегу Сунжи предположено устроить казачьи станицы»²⁸.

Потеря равнинных земель была для чеченцев равнозначна национальной катастрофе. Именно поэтому даже в 1844 году, когда имагат Шамиля одерживал военные победы, чеченцы Малой Чечни начали добиваться возвращения на земли вдоль Терека. Известный среди чеченцев кадий Иса неоднократно вступал в переговоры с российскими властями, обещая вывести от Шамиля 4000 семей, если им будет разрешено вернуться на прежние места обитания. Шамилю пришлось принимать меры по пресечению деятельности кадия Исы²⁹. Со временем эти настроения среди чеченцев только усилились. В 1852 году князь М. Воронцов сообщал в Петербург, что чеченцы, самый беспокойный и своевольный народ из всех племён кавказских, «...претерпевая беспрестанные от наших войск поражения, будучи стеснёнными, в сво-

их заблуждениях и средствах к существованию отнятием у них в последнее время лучших земель, стали переходить в значительном числе и теперь беспрестанно являются с желанием переселиться под покровительство России». Чтобы максимально ускорить отход чеченцев от Шамиля, с одной стороны, было усилено наступление на их земли, а с другой – разработано особое положение об управлении чеченцами. В частности, предусматривалось: 1) назначить особого начальника чеченского народа, предоставив ему помощников и необходимые средства; 2) создать чеченский народный суд в составе кадия и трёх старшин, избираемых обществом; 3) учредить округа под управлением местных старшин, а в каждом селении иметь сельских старшин, подчинённых окружным старшинам³⁰.

До конца 50-х годов XIX века царское правительство, связанное движением под руководством Шамиля, признавало вотчинные права местных ханов, князей и дворян и поддерживало существование земельных отношений, обещая впоследствии закрепить их юридически³¹. Российским правительством, в прокламациях Евдокимова (1862 г.), Воронцова (1845 г.) давались торжественные обещания «...сохранить за туземным населением его земельную собственность». Но прокламации эти в основном предназначались «...для известных туземных племён, враждовавших с Россией», т. е. это были попытки примирить эти народы с господством на их территории России; политические шаги, не нес-

шие на себе груз законодательно-экономической ответственности за высказанные обещания³². Ещё в 1857 году князь Барятинский в прокламации своей обещал, что земли, занятые чеченцами в момент покорности, останутся в их вечной собственности³³. В «Прокламации чеченскому народу» было обещано: «... Что права каждого из вас на принадлежащее ему имущество будут неприкосновенны. Земли ваши, которыми вы владеете или которыми наделены начальством, за вами будут утверждены актами и планами в неотъемлемом владении вами». Эту прокламацию чеченцы берегли и хранили как зеницу ока и к ней всегда апеллировали³⁴. Однако дальнейшее реформирование показало, что неприкосновенность права частной собственности в Терской области не соблюдалось.

Сравнительная характеристика реформы 1861 г. в центральных российских губерниях и на Северном Кавказе

Одной из главных причин проведения земельной реформы на Северо-Восточном Кавказе являлось не начало земельной реформы в центральных регионах России, а окончание Кавказской войны и связанное с этим признание всех завоёванных земель казёнными. А такой вид перераспределения собственности на земельные угодья, как реформа, способствовал более безболезненному изъятию земель и их дальнейшему распределению по усмотрению правительства. На Кавказе не было внутренних причин для крестьянской реформы. Она была реализована извне российской администрацией. Цель внедрения капитализма не ставилась, хотя унификация социально-экономического строя этому и способствовала³⁵. Государством отчуждалась земля у горских сельских обществ. Значительная часть чеченской земли была отведена под поселения казачьих станиц³⁶. Непосредственным результатом земельной реформы было введение государственной поземельной собственности и установление фискально – податного порядка³⁷.

Хотя аграрные преобразования на Северном Кавказе по образцу крестьянской реформы 1861 года в центральных российских губерниях, между ними было немало различий. Эти близкие, по сути, реформы имели разные причины и проводились в разных условиях. Российские военные и ученые, привлеченные к подготовке земельной реформы, считали, что неопределенность поземельных прав пестрого населения региона ставит под угрозу прочность российского владычества над местным населением. Существовавшие здесь прежде поземельные отношения представлялись им диким хаосом, который необходимо упорядочить.

Подготовка и проведение земельной реформы заняли более десяти лет, с 1863 до середины 1870-х гг. Одновременно с освобождением зависимых категорий, наделением горцев землей в регионе была проведена единая реформа налогообложения. Вплоть до конца 50-х – начала 60-х гг. XIX в. в регионе не было постоянных и единых форм государственных повинностей. Наряду с налогами общероссийского типа здесь встречались самые разные виды ежегодной подати, уплачивавшейся горцами военным властям Кавказа. У некоторых народов она заменялась повинностями. Установленные в 60-е гг. единые виды и размеры налогообложения тесно связаны с преобразованием землевладения³⁸.

В 1842 году статс-секретарь Михаил Павлович Позен был направлен в Закавказье чтобы выяснить, какая из предложенных податных систем – подымная, поземельная или об-

рок – больше соответствует обстоятельствам и целям реформы. В октябре 1842 г. Позен представил доклад с результатами своего исследования. С точки зрения М.П. Позена, введение поземельной подати, определяемой в зависимости от качества земли, принесло бы больше зла, чем справедливости. Требуемые для этого описания, оценки земельных участков привели бы к неизбежным конфликтам. Поэтому, как он предлагал, следовало вовсе уничтожить существующие поземельные подати, заменив их подымными. К податному сбору должен был быть присоединен земский сбор в виде постоянного подымного оклада. Данный проект был полностью одобрен министром финансов и Кавказским комитетом.

В 1850-1860-х годах аналогичными податями было обложено горское население Терской и Кубанской областей. Правительство продолжало «терпеть» существование подымной системы, хотя после присоединения Закавказья к России считалось, что ее уничтожение будет одним из первых шагов новой власти. Подымный принцип учета и обложения фактически не позволял организовать призыв населения в армию, так как учет призывников производился обычно по податным спискам. Правительство так и не решилось дать оружие в руки всем мусульманам. Подобная же система «сдерживания» практиковалась и в Османской империи: там христиане платили военный налог вместо службы в армии³⁹.

По «Положению» от 23 апреля 1870 года русские, насе-

лявшие Кавказский край получили по 24–30 десятин на душу земельного надела, тогда как туземцы по 12–18 десятин на дым, в среднем насчитывавший 5 мужчин. Само собой, что такое несправедливое отношение к туземцам местной администрации вызвало «неудовольствие среди горцев»⁴⁰.

Аграрный вопрос разрешён не был, и приостановить дальнейший рост народного движения ничто не могло. Жить горцу всё-таки должен был не в безвоздушном пространстве, а на земле, землю же эту у него отнимал царизм, заселяя её казаками – колонизаторами⁴¹. В 1901 году на Чеченской равнине чеченцам жилось весьма скудно, на семью (обычно довольно многочисленную) приходилось от 7 до 14 десятин земли⁴².

Член первой государственной Думы от Терской области Маслов так характеризовал в своей думской речи состояние малоземелья среди чеченцев: «Вы не можете себе представить как ничтожны земельные владения среди чеченцев, особенно в горах – одна десятая, одна пятая, четверть, треть десятины...»⁴³. Антон Петрович Маслов был избран в 1ю Государственную думу от не войскового населения Терской области. Входил в Конституционно-демократическую фракцию. Подписал законопроект «33-х» по аграрному вопросу. Маслов участвовал в прениях по аграрному вопросу. За подписания «Выборгского воззвания» был приговорен к 3 месяцам тюрьмы и лишен избирательных прав. Антон Петро-

вич окончил уездное училище и Тифлисский учительский институт (1892). Преподавал в Грозненском горском училище⁴⁴.

Таштемир Эльдарханов (1870–1934 гг.), сын старшины села Гехи, также закончивший Тифлисский учительский институт и преподававший в Грозном, выступая с думской трибуны летом 1906 года и 3 мая 1907 года, требовал вернуть горцам незаконно отобранные земли. Т. Эльдарханов отстаивал частную собственность и общинное землевладение⁴⁵. Депутат во II Государственной Думе от Терской области, активный участник культурно-просветительской деятельности, делегат съезда интеллигенции Кубанской и Терской областей, участник революционных событий 1905–1907 гг., бывший депутат также I Думы от Терской области, предложил на одном из заседаний, не дожидаясь прений по аграрному вопросу, «вернуть туземцам немедленно отобранные у них незаконным образом земли и урегулировать арендные цены». Своё выступление депутат закончил пожеланием того, чтобы аграрная реформа решалась на местах, а её осуществление было отдано в руки местных земельных комитетов. А это было возможно только при введении широкого местного самоуправления, т. е. аграрной реформе должна была предшествовать реформа политическая.

«Безвыходное положение крестьян и долг наш помочь им, – сказал Эльдарханов на заседании Думы в мае 1907 г., – в их острой земельной нужде требует, чтобы мы не увлека-

лись теоретическими рассуждениями, не имеющими под собой никакой реальной подкладки, и сошлись на одном законопроекте, который являлся бы практически осуществимым при существующих условиях». К сожалению, Дума так и не смогла решить вопросы улучшения экономического положения крестьянства на Северном Кавказе⁴⁶.

Член земельной комиссии, крупный специалист по вопросам землепользования А. Абрамов, родившийся на Северном Кавказе, заявлял: «Если сравнить то, что сделано на Кавказе туземцами и нами, русскими, то менее культурною и менее трудолюбивою нацией придётся признать именно русских»⁴⁷. Привязанность к земле, бережное отношение к ней, культивирование и передача её подрастающему поколению – святой долг чеченца. Редко кто решался на продажу земельного участка, доставшегося ему в наследство, поскольку в ментальности чеченцев укоренена народная пословица, гласящая: «Не владеешь землёй, не будешь иметь достатка»⁴⁸.

Перед Кавказской войной многие вайнахские старшины и целые чеченские тейпы являлись крупными землевладельцами. В горах и на равнине они владели большими площадями пахатно – покосных земель и даже лесными массивами. Эти земли они получали различными путями (по праву первого завладения, путём силы и с помощью покупки)⁴⁹. Чеченцы, требуя у царского правительства закрепления за ними частных земель, в доказательство своего права на них,

заявляли, что это их родовые земли, и они принадлежат к «владельческим» родам⁵⁰. Из дел Терского областного правления видно, что горское население считало свои земли собственными при отдаче их недр на разработку горнопромышленникам. Горцы энергично протестовали против признания их земель казёнными, доказывая, что земель, которыми они владеют, им никто не давал, что они их всегда считали своей собственностью⁵¹.

Теперь необходимо выяснить, что же такое собственность? Собственность – это, прежде всего «право действовать». Владеть, использовать, сдавать внаем, отдать или завещать землю, улучшить или испортить – все это некоторые действия, а вещь становится собственностью, если кто-то получает право совершать с нею такие действия. Нет собственности без того, кто выполняет действие, и в таком смысле собственность есть человеческая воля, выраженная в отношении к вещам, предметам, движимым и недвижимым⁵². Таким образом, чеченцы разом лишились возможности своего волеизъявления, возможности достойного заработка (в тяжёлых капиталистических условиях) на земле, которая им из поколения в поколение принадлежала и т. д.

По закону 14 июня 1888 года в ведение Министерства государственных имуществ, одновременно со свободными казёнными землями перешли также и те земельные пространства Терской области, которые, не будучи ещё закреплёнными

ми за горцами, находились в их законном пользование. Чеченцы получили от руководства участки земли, расчищенные ими из-под леса. Первое такое наделение чеченцев землёй состоялось ещё 20 июля 1856 года. Горцы просили администрацию выдавать им на эти участки акты и планы, что не всегда выполнялось. Это был довольно щекотливый вопрос, так как чеченцы, имея на руках официально заверенный документ на владение, могли обращаться в суд, в случае нарушения прав частной собственности⁵³.

После войны в Чечне часто вспыхивали восстания. В качестве наказания, за поддержку восставших против власти, областное правление отобрало 74 свидетельства на 74 расчищенных из-под леса участков, в количестве 42 десятины у жителей села Дышни – Ведено. У жителей Беноя и Зазирганоя отобрали свидетельства, выданные на расчищенные участки в 1868 -69 гг., площадью в 19 десятин⁵⁴. В 1890 году у жителей отобрали лесные поляны, расчищенные из-под леса. Чеченцы стали обращаться во все инстанции с жалобами, и начальство вынуждено было отменить это распоряжение⁵⁵.

Кроме частной собственности, являвшейся результатом заимки и расчистки лесных полей, по инициативе князя Барятинского была осуществлена раздача земли в частную собственность за заслуги. В своё владение получили земельные участки 57 чеченцев. Всего было роздано за заслуги 8674 десятины земли. Сравнивая подворное землевладение в России

и горной Чечне находим, что у государственных крестьян на двор в среднем приходилось 15 десятин земли, у помещицких 9, а у чеченцев всего 3,43 десятины⁵⁶.

Правительствующий Сенат в одном из своих указов по 1-му департаменту от 17 ноября 1894 года высказал: «Если во вновь присоединённой области не существует собственности в качестве юридического института, но земля, хотя бы на основании лишь обычаев, находилась в неограниченном владении, то администрация, не касаясь надлежащего разрешения судебной или законодательной власти вопроса – может ли земля быть признана собственностью владельцев, – обязана охранять существующее положение вещей». Высказывая этот взгляд, Сенат отменил распоряжение Главного начальника гражданской частью на Кавказе, который признал земли, находящиеся в распоряжении горских обществ в Дагестане казёнными, предоставленными населению лишь для ограниченного пользования⁵⁷. Чеченские аульные общества так и не были утверждены в правах владения землёй⁵⁸. Необходимо отметить, что в российском дореволюционном законодательстве подробно и обстоятельно было проработано лишь понятие о праве частной собственности на землю, в то время как право собственности, принадлежащее общинам, хотя и допускалось законом, но регулировалось весьма слабо и неопределенно⁵⁹.

У аулов горной Чечни было конфисковано в казну 50989

десятин пастбищ. В начале 60-х годов XIX века они были переданы сельским общинам на условиях оброчного пользования. В 1870 году натуральная плата была заменена денежной ⁶⁰. По устоявшемуся порядку богатым не разрешалось пользоваться общими пастбищами в большей мере, чем другим жителям, кроме как за дополнительную плату, установленную сельскими старшинами ⁶¹. Если по какой-либо причине сельское общество не вносило оброк полностью за весь год к 1 июля, пастбищные земли отбирались и передавались другим аулам, а за невыполнение в срок установленных договором обязательств взыскивался денежный штраф ⁶².

Динамика функциональных изменений в сельских общинах в ходе проведения реформы

В основе политических структур традиционных горских обществ Северо-Восточного Кавказа лежала самоуправляемая община, прототип которой, сложившийся в древности в районе Средиземноморья, исследователи характеризуют как одно из самых высоких достижений социального и политического развития. Спонтанное саморазвитие подобных общинных систем, прежде всего развитие частной собственности ее членов на обрабатываемую землю, через формирование сообщества не просто землевладельцев, но свободных землевладельцев, предопределяло развитие самой общины в самодовлеющую гражданскую и политическую (государственную) систему. Важность частной собственности на землю в общинах подчеркивал М. Дьяконов. Он писал, что именно благодаря этому обстоятельству, античный тип общины являлся наиболее прочным. Кавказская независимая община была типологически единообразна с общиной средиземноморского региона с дуальным сочетанием частной и общественных форм в землевладении и с гражданской линией организации власти, т. е. управляемой выборными и сменяемыми лицами из числа общины⁶³.

Преобразование сельской общины в административное подразделение, несущее административные, судебные и фискальные функции, привело к изменению ее структуры и органов управления. Общинные органы управления потеряли свою патриархальную демократию. Если раньше все важные дела в общине решались путем всеобщего обсуждения, то в пореформенный период общественное управление зависело от воли и желания окружных начальников и атаманов. Аульное общественное управление, по «Положению» 1868 г. состояло из аульного схода, аульного старшины и аульного суда. К концу XIX в. аульный сход приобрел новые черты: в нем могли участвовать не все жители селения, а только выборные, по одному человеку от десяти дворов, избранные простым большинством голосов. Основными функциями сельского схода стали фискальная – раскладка и сбор податей и недоимок, и полицейская. Нельзя было собирать сход в отсутствие аульного старшины. Но даже и его присутствие не всегда давало решению схода законную силу. Для этого нужна была санкция уездного или окружного начальника, а иногда и начальника области⁶⁴.

Сложившаяся к концу XIX века система управления формировалась искусственным путем: ее появление было связано не с процессом саморазвития горских обществ, а с сознательной и целенаправленной деятельностью российского правительства. Будучи неизменно обращенными «к пользам империи», конкретные формы управления приобретали за-

частую вид механически сконструированных и насильно навязанных административных схем, в которых функциональные пространства традиционных принципов постепенно вытеснялись из повседневной управленческой практики и получали статус неофициальных⁶⁵.

В период подготовки земельной реформы у руководства страны возник вопрос: «Какую систему принять в наделе землями на Северном Кавказе – общинную, устраняющую появление пролетариата, или частную, ведущую к более совершенному развитию сельского хозяйства?» В конечном итоге было решено за основу земельной реформы взять сочетание общинной и частной земельной собственности⁶⁶. Общинное пользование означало совокупное пользование землёй и раздел продуктов труда между общинниками⁶⁷.

Первое «завладение» землёй не происходило путём индивидуального захвата. Чтобы освоить и отстоять новые земли, необходимо было действовать сообща, дружно, с определённым договором, с помощью родственников или территориальной группы. Поэтому в отношении частных участков земли, определение «первый надел» будет ближе к истине, чем – первое «завладение»⁶⁸. При продолжительном владении одного рода (собственников), избегалась черезполосность и предупреждались переделы и разделы, а также облегчалось удобрение почвы и уменьшались затраты на севообороты. Примером основательного устройства общинного зем-

левладения являлись Голландия, Швейцария, где земель помещиков было довольно мало. При этом надо заметить, что в этих странах, в отличии, скажем от России, порядок пользования и эксплуатации определялся грамотами и уставами⁶⁹. Самостоятельность и индивидуализм английских землевладельцев основаны на том, что общинниками они перестали быть уже сотни лет тому назад (с XIII в.), став свободными владельцами, или держателями земли. В Британии крестьянский «мир» утратил свое значение за сотни лет до разрушения русской общины, поэтому сельское окружение не мешало землевладельцу, фермеру принимать решения и выступать как свободный субъект обычного права, или, например, продать свою землю и эмигрировать, или переехать в город. Напряженность конфликта с Ирландией отчасти связана была с тем, что ирландцы с начала английской экспансии защищали свою сельскую общину, в которой жили 2 тыс. лет, и свои общинные земли, противодействовали их конфискации, результатом чего явились массовые репрессии на ирландской земле⁷⁰.

Вторая форма владения – мирская. Мир, как юридическое лицо, владеет землёй, прирезанной к селению и на основании этого коллективного права владения, определяет способы пользования ею: одной пользуется сообща для выгона, водопоя; другую делит поровну между домохозяевами. Мирской способ вырос на праве поземельной собственности, обусловленной семейным бытом. Состав мирского зем-

левладения был подвижным, срочным, изменчивым, зависящим от наличия рабочих сил в данный момент⁷¹.

Третья форма – участковая. Здесь и владение, и пользование в единоличном праве, принадлежащем главе семьи и переходящем от него по наследству к другим членам.

До введения российских порядков у чеченцев в основном главенствовала мирская форма землевладения и участковая. После земельной реформы основной формой землевладения стала общинная собственность. Однако с правовой точки зрения мирскую форму никак нельзя было смешивать с общинной, а заменять, только с помощью вознаграждения, так как право пользования при мирском – единоличное, частное, посемейное – а, при общинном, – коллективное⁷².

Развитие арендных отношений, как результат перераспределения собственности на землю

В истории захвата монополистическим капиталом крестьянских земель в Чечне целую страницу составляет борьба чеченских жителей за свои права за землю⁷³. Сами чеченцы, сознавая недостаток своего землевладения, подали в 1888 году всеподданнейшее прошение императору, в котором жалуются на земельное стеснение, что строительные материалы и дрова они вынуждены покупать у частных владельцев или у казны, а раньше пользовались ими бесплатно. Люди ничего не получают от заготовки леса – ни в смысле занятости, ни в смысле компенсации, они могут лишь беспомощно наблюдать за тем, как навсегда исчезает источник их средств к существованию⁷⁴. Из-за недостатка быков и плугов жители вынуждены были запахивать поля сообща, составляя артели из нескольких хозяев⁷⁵.

Терское межевое управление, давая объяснения, указывало на следующие факты: «Вся плоскостная часть Большой и Малой Чечни, с прилегающим малочеченским лесом, составляет площадь 271086 десятин. Из неё одновременно отошло 6 казачьим станицам 650 десятин, Терскому каза-

чьему войску 1560 десятин леса, пожаловано в частную собственность за заслуги отдельных лиц 8645 десятин, отдано городам и слободам 8266 десятин, 43 чеченским аулам надделено 234970 десятин, в ведении лесного ведомства состояло 16965 десятин. Таким образом, свободных земель нет...»⁷⁶.

Из-за недостатка земли чеченцы вынуждены были брать землю в аренду. Арендная плата в Чечне достигала ежегодно 400000 рублей. С началом 80-х годов правительством были предприняты меры к ограничению арендования казачьих паевых наделов на длительные сроки. Это было вызвано тем, что с ростом переселения крестьян из внутренних губерний России наделы бедных казаков стали переходить к иногородним – переселенцам, или зажиточным местным жителям. И если законом 21 апреля 1869 г. казакам было предоставлено право сдавать в аренду паевые наделы на длительный срок лицам всех сословий, то по инициативе казачьей администрации, обеспокоенных ростом безземельных казачьих хозяйств в результате сдачи земель в аренду на длительный срок (на 1015 лет) по низким арендным ценам, в 1888 г. подобная сдача в аренду паевых земель сначала запрещалась, а в 1891 г. в связи с законом об общественном управлении казачьих станиц была ограничена сроком не более 1 года. Годичный срок аренды привел к снижению арендных цен, к отказу от агрономических мероприятий. И только в 1912 г. было принято решение о шестилетней аренде с ежегодным внесением арендной платы⁷⁷.

Правительственное областное правление являлось крупным собственником экспроприированных крестьянских земель, в том числе и лесных угодий. Валовой доход Терской области в 1871 году составлял 20765 рублей⁷⁸. С тех пор, как контроль над лесными угодьями был передан Департаменту лесного хозяйства, а не местным общинам, состояние лесов ухудшилось. Проблема восстановления леса, как и обезлесения, заключалась в том, что деревья по-прежнему оставались объектом большого бизнеса⁷⁹.

Земли Чеченской плоскости, по своему плодородию несколько не уступали Кубанским землям и во многом превосходили даже самые лучшие угодья России. В Чечне горцам было положено не более 3 десятин земли на мужчину. Казакам давали по 20 десятин на душу. Такой обширный надел должен был стимулировать казаков к занятию скотоводством и коневодством⁸⁰. По поводу горцев у руководства сложилось следующее мнение: «Большой поземельный надел положительно будет им вреден. Изобилие земли даст возможность пренебрегать её возделыванием и заниматься усиленно скотоводством. Этот промысел, когда он берёт перевес над земледелием, приучает жителей к праздности, и отсюда развивается и поддерживается в них страсть к хищничеству. Напротив, ограниченность поземельных угодий заставит горцев заняться обработкой своих земель; а с тем вместе они должны будут отказаться от своей страсти

к наездничеству, которое возможно только при изобилии табунов». «Жители претендуют, – читаем мы в одном из документов, – на земли Куринского полка, расположенного в укреплении Ведено и Эрсеной, в Ичкеринском округе. Полк держит свои табуны и скот на чеченских землях и здесь-же заготавливает себе сено, что весьма стеснительно для населения»⁸¹. При земельном устройстве Кавказских полков, правительством было обращено внимание на то, что земли полков Кизлярского и Гребенского, вошедших позже в состав Терского казачьего войска, в большинстве своём неудобны для хлебопашества, а потому, с целью уравнивания выгод притерских казаков с положениями других полков, владеющих лучшими землями, правительство предоставило этим двум полкам, по «Положению» от 14 февраля 1845 года – рыболовство как в рукавах Терека, протекающих по казачьим землям, так и на морских водах, перед устьем этой реки⁸².

В 1861 году чеченцам объявили, что их собственность – плоскостная земля Большой и Малой Чечни, за исключением участков, занятых во время войны под укреплениями и казачьими станицами. Жителям горных районов разрешалось только пользоваться землёй, т. к. она становилась казённой. За принадлежавшие казакам на правом берегу реки Сунжи мельницы, сады и хозяйские постройки, казаки должны были платить чеченцам, по обоюдному с ними соглаше-

нию⁸³. Государство наделяло земельными участками и горцев, вступивших в казачье сословие, за службу в иррегулярных войсках. Размеры земельных наделов зависели от социального и общественного положения, занимаемого горцами в своих обществах, а также от положения занимаемого в казачьих войсках⁸⁴. Руководство придерживалось следующего положения: «Народ не должен думать, что Правительство злопамятно: оно хорошо знает, что народ во время неприязненности наносил русским вред по увлечению, по праву войны, что уже навсегда предано забвению»⁸⁵.

Чеченская равнина протягивалась полосой в северо – восточном направлении между Чёрными горами и рекой Сунжей, от реки Фортанги к Качкальковскому хребту. Длина всей равнины составляла 70 вёрст, а наибольшая её ширина достигала 30 вёрст (напротив г. Грозного). По плодородию почвы, Чеченская равнина, после Кахетии, считалась лучшим уголком на Кавказе. Земля её почти вся состояла из чернозёма и была хорошо орошена реками и каналами⁸⁶. По территории Чеченской равнины протекали реки: Терек, Фортанга, Сунжа, Гехи, Гойта, Аргун, Басс, Хулхулау и др. По левую сторону реки Гойты располагалась Малая Чечня, по правую – Большая. Вся Чеченская равнина по качественному составу почвы занимала первое место в Терской области.

До 1840 года границы Чечни простирались гораздо даль-

ше и захватывали значительное пространство правого берега Терека и левого берега Сунжи. С 1888 года, после преобразования Терской области, 5/6 пространства Чечни было заключено в Грозненском округе. В 1893 году территория, занятая чеченцами, располагалась на значительной части Сунженского отдела, почти 1/3 Хасав-Юртовского округа и занимала полностью Грозненский, Веденский, Аргунский округа. Надтеречные участки были отделены от остальной Чечни землями казачьих станиц. Площадь Чечни без Надтеречного участка равнялась миллиону десятин земли⁸⁷. По мнению наместника на Кавказе, Н.Н. Муравьёва – Карского, по правому берегу Терека и по обоим берегам Сунжи жили чеченцы, которые считались покорными, но, однако, содействовали набегам хищнических шаек на Линию»⁸⁸. По данным А.А. Гассиева земли по правому берегу Терека, договором с Персией за 1735 год, были признаны русским правительством входящими в состав территории независимой Чечни. Надтеречная часть этой территории была завоёвана русскими войсками (не казаками) в 1750–1770 гг.⁸⁹. До 1840 года правый берег Терека и левый Сунжи были усеяны большими чеченскими сёлами. Во время войны жители вынуждены были удалиться в вековые леса, за Сунжу. На правом берегу Терека осталось только 3 села: Кень-Юрт, Аду-Юрт и Брагуны, а покинутая чеченцами земля была занята казачьими станицами⁹⁰. По словам А.П. Берже, «...до 1819 года на Сунже,

кроме чеченских аулов, русских поселений не было»⁹¹.

В силу неравномерного распределения количества земель в ходе реформы между казаками и горцами, станичники в основном практиковали экстенсивный способ земледелия. Чеченцам, имевшим малые клочки земли, приходилось использовать интенсивный метод, когда на единицу площади вкладывалось очень много труда и капитала. Зато, этот способ давал большой валовой продукт, и способствовал усовершенствованию земледельческой технологии⁹². По данным обследования 1882 года, на Северном Кавказе удобные земли составляли 69,6 % горной территории края, но лишь 5445 тыс. десятин (0,8 %) этих земель были пригодны для пахоты и покоса, а остальные находились под пастбищами и лесами⁹³. В Нагорной полосе Терской области почти вся земельная площадь (около 8/10) представляла из себя поверхность, годную только для скотоводства. В Нагорной чеченской полосе на мужчину приходилось 5,2 дес. земли., 40 десятин в степной полосе и 50 десятин в горах – та пограничная линия, за которую пастбищное крестьянское хозяйство не должно было переступать⁹⁴. Земли Сунженского отдела – Нагорной части – делились на удобные и неудобные. Неудобные, как бездоходные, освобождались от обложения. В Грозненском округе северная (плоскостная) часть Качкалыковского гребня страдала отчасти от засухи (надтеречная часть), а отчасти была покрыта обильными зарослями кустарника,

затруднявшими обработку земли⁹⁵.

После завершения Кавказской войны приобретённое Россией земельное богатство необходимо было распределить между населением. Вопрос несколько усложнялся тем, что реформы, проводимые на Кавказе, должны были соответствовать реформам, которые в это время проводились в центральных регионах России, хотя изначально местные условия землепользования и землевладения сильно отличались друг от друга, хотя и имели общие черты. Манифестом 19 февраля 1861 года было провозглашено, что крестьяне с освобождением их от крепостной зависимости, вступают в состояние крестьян – собственников. Начало это было подтверждено законом 28 декабря 1881 года и получило практическое применение в центральных районах России⁹⁶. На Кавказе даже те немногие освобождённые от зависимости крестьяне не получили право частной собственности на землю, не говоря уже об огромном числе горцев – собственников, чья земля в ходе реформы стала государственной. Реформы, проводившиеся в России и являвшиеся половинчатыми и незавершёнными, в областях Кавказа вводились с ещё большими ограничениями и изъятиями. Основным курсом земельной реформы на Северном Кавказе стало перераспределение земельной собственности не между хозяином и крепостным, а между коренным и пришлым населением.

Ещё в 1860 году во Владикавказе состоялось оперативное совещание местных военных и гражданских администрато-

ров. Было принято решение о скорейшем заселении земель горцев казаками. На совещании по этому вопросу возникли разногласия, но военный министр Д.А. Милютин и князь Барятинский дали понять, что такова воля государя. В 60-х годах XIX века главнокомандующий Кавказской армией великий князь Михаил Николаевич обратил внимание на земельную нужду Терской области. Им был предпринят целый ряд мер к улучшению экономического быта населения, но это не дало осязательных результатов, а, напротив, в последствии территория, занятая горцами, подверглась сокращению⁹⁷. Сопоставление документов о состоянии казачьего населения с аналогичными актовными источниками в отношении горского населения позволяют говорить о большой разнице их положения. Эти документы показывают размеры расхищения горских земель, громадную разницу в земельном обеспечении горского крестьянства в сравнении с казачеством⁹⁸.

В 60-е гг. было в целом завершено наделение горских общин землей. Все дела поземельных комиссий велись в тесном контакте с населением. Решения принимались после консультаций с представителями горцев, что позволило избежать сколько-нибудь заметных волнений на почве земельных переделов на Северном Кавказе в 60-х гг. XIX в. На втором этапе земельной реформы, в 70-е гг., после окончания определения прежних сословных прав горской элиты, согласно плану Орбелиани, началась раздача крупных земель-

ных пожалований выходцам из местной знати, служившим в Кавказской армии. В 1870 г. было принято «Положение о правах почетных туземцев на пользование землей на общественных началах». Всего за горской знатью, получившей статус российского дворянства, было закреплено в частном владении около 70 000 дес. земель Терской и Кубанской областей. В частной собственности чеченских сельских старшин находилось 8 674 десятины земли. В Чечне старшинам по решению властей выделялось «по 5 частей покоса и пять частей пашни»⁹⁹.

В конце XIX – начале XX века в России в среднем на одно помещичье хозяйство приходилось 2333 десятины земли, на одно кулацкое – 46,7 десятин, на одно середняцкое – 15 десятин и на бедняцкое – 7 десятин¹⁰⁰. Хотя между горцами и были люди, которые утешали, говоря, что напрасен страх, увидев, что казакам отводится по 30 десятин на душу, а туземцам не более 2–5 десятин, однако и они вскоре согласились с тем, что будущность горцев действительно страшна и что при увеличении народонаселения земельный голод охватит все слои общества у местных жителей на Кавказе¹⁰¹.

Издавна у чеченцев существовало право исключительного владения родовыми участками земли. В отношении распоряжения землей одновременно действовали шариат и адат¹⁰². Хотя адаты не указывали на наличие частной собственности на землю, с одной стороны, но они содержали информацию

о феодальной ренте, что позволяет говорить о фактическом существовании института частной собственности на землю (без юридического оформления в адатных нормах) уже к середине XIX века¹⁰³. Земельная реформа разрушила многовековые традиции. Масштабное перераспределение земель привело к началу капитализации региона, установлению рыночных отношений. Скрытые резервы людей, не задействованные в полной мере ранее из-за хорошего уровня благосостояния, благородного происхождения, в новых условиях выживания начали проявляться особенно активно. Фактически большая часть населения области была уравнена в своих земельных правах, но значительным препятствием в росте их дальнейшего благосостояния являлось общинное землепользование, ликвидация традиционного для Кавказа многочисленного класса частных собственников. Земля передавалась общине. Общинная собственность не могла отчуждаться (не подлежала купле-продаже). Реформы не преобразовали почвенный уклад, не создали слоя мелких собственников, а законсервировали его, сохранили корпоративность.

Опорой политической стабильности государства в регионе являлась корпоративность: крестьянская и казачья община, дворянская корпоративная организация. До проведения земельной реформы среди кавказских администраторов существовало мнение, что в Чечне и Ингушетии существует только общинное земельное владение. Но такой вид собственности не требовалось документов, как это было с част-

ным землевладением. Позже, в связи с введением юридического права, чеченские земли стали именоваться «общественными». Российскому правительству, естественно, было выгоднее иметь дело не с частным землевладением в регионе, когда в результате государственной конфискации земель могли начаться судебные разбирательства, а с общественным. Иски общественных организаций к государству не могли рассматриваться в юридическом порядке – вся земля являлась государственной, и общины ею пользовались по «праву временного владения», сроки и условия которого заявлялись государством¹⁰⁴. Отчуждая частные земельные владения горцев в пользу казны или общины, государство нарушало свои же правовые нормы, установленные для граждан Российской империи.

Мелкая земельная собственность в России составляла от 70 до 75 % общей площади владения (1901 год). Земля признавалась не собственностью государства (государственный социализм), а являлась предметом свободного владения, обмена, купли и продажи¹⁰⁵. По Своду законов принудительное отчуждение недвижимых имуществ, равно как и временное занятие их, или же установление права участия в пользование ими, когда это было необходимо для какой-либо государственной или общественной цели, допускалось не иначе, как за справедливое вознаграждение¹⁰⁶. Экспроприация производилась за полное вознаграждение. Правоведы счита-

ли, что «...требовать от частных лиц безвозмездной уступки имущества было бы несправедливо, т. к. общепольное предприятие выполняется в интересах целого общества...»¹⁰⁷. Закон об экспроприации от 19 мая 1887 года, как и закон 7 июня 1833 года, действовавший ранее, требовал, чтобы все случаи, в которых представлялось необходимым отчуждение недвижимых имуществ, определялись именными высочайшими указами, представленными на высочайшее воззрение через Гос. Совет¹⁰⁸.

Проведение земельной реформы в Чечне

В 1861 году генерал Евдокимов высказал мысль о том, что земельную реформу следует проводить в административном порядке, «силою власти навязывать её туземному населению». Деятельность земельных комитетов и комиссий, по его мнению, является «пустой тратой времени». Против проекта Евдокимова выступил генерал Святополк – Мирский, который был за немедленное создание в округах Терской области поземельных комиссий. В споре Евдокимова и Святополк-Мирского царь поддержал последнего. В Терской области были созданы окружные комиссии, которые в 1863 году были объединены в одну поземельную комиссию¹⁰⁹. На членах межевой комиссии лежала большая нравственная и юридическая ответственность, так как межевая комиссия первая рассматривала все поземельные заявления горцев и решала: дать землю или отнять её. Безусловно, что решение комиссии не могло быть окончательным и необходимо было на правительственном уровне предвидеть вопрос о порядке обжалования её решений инородцами и казной, однако этот важнейший вопрос не был отработан на практике¹¹⁰.

В 1867 году, приступив к подготовительным работам по

определению границ Чеченского округа, Отдел поземельной Комиссии встретил затруднения в разрешении следующих 2-х вопросов: а) возможно лишь включить в число земель, подлежащих распределению между аулами, участки на правом берегу реки Сунжи, предоставленные частными распоряжениями начальствующих лиц в пользование соседних станиц, а также и земли, отведённые близ укрепления Воздвиженского войскам для покосов; б) можно ли при проектировании аульных наделов брать в расчёт часть земель нагорной полосы Чеченского округа. Часть горского населения Грозненского округа, сгруппированная на правом берегу реки Терека, составляла раньше особое наместничество, Надтеречное. Земли этого наместничества, за исключением Брагуновских участков, были освобождены от местного населения силой оружия и считались казачьими¹¹¹. Обсудив земельные вопросы, Комитет пришёл к заключению, что изъятие из пользования казачьих вышеупомянутых участков не может соответствовать «политическим видам» правительства.

При установлении окружной границы Чеченского округа возникло несколько споров между казачьими станицами и горскими селениями. Главнокомандующий приказал участок строевого леса в 300 десятин на чеченской территории включить в надел казачьей станицы Алхан-Юртовской (Ермоловской)¹¹². Исходя из концепции о вредности больших наделов для горских крестьян, что, якобы, наряду со скотоводством «приучает жителей к праздности», царское прави-

тельство в лице своих высокопоставленных чиновников по-своему кроило земельную карту Северного Кавказа. В Терской области, где казаков было 17,9 % (1897 г.), им принадлежала почти третья часть территории области. На одну душу мужского пола у терских казаков приходилось от 16,5 до 74,5 (в среднем по 28 десятин) десятин земли. Эти казачьи наделы во много раз превышали среднюю величину душевого надела крестьянства Европейской России, у которого она составляла в 1860 году 3,5 десятин, а к 1900 году уменьшилась до 2,6 десятин земли¹¹³.

При самом отводе участков, оставлялся известный процент земли для естественного прироста населения, обычно он составлял 1/7 часть участка (14,5 %). Наделы, выделяемые инородцам, должны были удовлетворять следующие условия. Во – первых, они должны представлять из себя множество отдельных полос и небольших групп, вкрапленных в массу участков отданных пришлому населению. В этом положении, их владельцы – инородцы легче бы «освобождались от иллюзий и подвергались бы более сильному воздействию цивилизации». Во – вторых, правительству необходимо было, чтобы инородческие участки, по крайней мере, в течение нескольких десятков лет, до появления нового поколения, «освоившегося с земледелием и грамотностью», были неотчуждаемы¹¹⁴. В 1883 году начальник Терской области запрашивал мнение межевого управления: «...а есть ли необходимость в земельном устройстве горцев и не лучше ли

ограничиться наиболее существенными сторонами земельного вопроса, как – то определением лесовладения и аульным наделом... не удобнее ли отложить вовсе вопрос по поземельному устройству горцев до окончания такового в казачьем населении области»¹¹⁵.

Надтеречное наибство в Чечне для России занимало особое стратегическое положение, оно являлось как бы буферной зоной между казачьим населением и горскими районами. Хотя, по существу, соответствующих границ между чеченскими округами и казачьими отделами не было, их территория разграничивалась чисто условно. Так, казачьи станции Сунженского отдела располагались на территории Владикавказского, Грозненского и Веденского округов¹¹⁶. В 1863 году был составлен проект размежевания земель Надтеречного наибства. Проведение государственного размежевания земель в других районах Чечни произошло только после переселения чеченцев в Турцию, в 1865 году, что по мнению руководства «...значительно упростило поземельный вопрос в Чечне»¹¹⁷. Земли эмигрировавших горцев конфисковывались и распределялись между другими владельцами. Такое распоряжение родовыми землями усугубляло национальные противоречия, что, очевидно и отвечало методу колониальной политики царизма «разделяй и властвуй»¹¹⁸.

В 1868 году расселение чеченцев было связано с размещением Сунженских казачьих полков. Был вариант оставить

чеченцев в их селениях на правом берегу реки Сунжи, но на эти земли претендовало казачье войско, поэтому чеченцев переселили на левый берег Терека и Сунжи, а их земли заняли 1-й и 2-й Сунженские полки. Терское казачье войско располагалось на 1/3 части всей площади Терской области, а войсковое население составляло всего 1/5 часть её жителей. С 1863 по 1885 год в Терской области было основано 112 селений, в основном за счёт русских поселенцев ¹¹⁹. Высочайшим указом Правительствующему Сенату 30 декабря 1869 года на Межевые управления Кубанской и Терской областей возложили распределение горских и казачьих земель ¹²⁰. Появление такого указа было вызвано массовыми жалобами чеченцев на несправедливое распределение земель. Предгорные аулы, получившие плоскостной земли только в половинчатом размере, считали себя обиженными. В связи с этим Межевое управление Терской области вынуждено было в 1873 году ходатайствовать о проведении изменений в распределении наделов по проекту 1871 года ¹²¹. Кроме того, возникла масса жалоб со стороны аульных обществ о том, что при распределении наделов, никакой расценки земельных угодий не производилось, а потому многие аулы получили мало удобной земли. При исправлении границ Урус-Мартановского надела выяснилось, что аул этот получил в действительности не то количество удобной земли, какое поземельной Комиссией было по-расчёту

ему спроектировано, а именно: вместо 14769 десятин, около 9427 десятин; кроме того, проектируемый надел оказался недостаточным, т. к. в этом ауле поселилось большинство возвратившихся из Турции чеченцев, вследствие чего число дворов вместо 1257, бывших ранее, увеличилось до 1600. В результате ходатайства начальника Терской области, наместник на Кавказе разрешил отвести этому селу дополнительный надел, на общинном праве пользования, в 3400 десятин земли. Благодаря этому весь надел Урус-Мартана составил 22337 десятин земли¹²².

По материалам чертёжного отдела Терской областной словесно-поземельной комиссии, у горных чеченцев на мужчину приходилось 0,86 десятин под пашнями и 1,76 десятин под сенокосами¹²³. В горной Чечне, к началу XX века имелось 27395 пахотных участков, а их общая площадь составляла 9073 десятины. В плоскостной Чечне средний размер надела составлял 4,11 десятин¹²⁴. Согласно «Положению» 1867 года для Чеченского округа официально была принята норма подворного надела в 16,8 десятин, однако в каждом дворе проживало по 3–7 мужчин, поэтому душевой надел был крайне низок¹²⁵. Самые маленькие душевые наделы, по официальным данным, в Терской области приходились на Грозненский округ, где в основном проживали чеченцы¹²⁶. Душевные наделы терских казаков вдвое превышали наделы казаков Кубанской области. В 1886 году на одного терского

казака приходилось 13,3 десятины, а на казачий двор 92,12 десятины земли.

Минимальный душевой надел, необходимый для того, чтобы крестьянин мог едва сводить концы с концами, составлял в нечернозёмной полосе России 9-10 десятин, а в среднем, для чернозёмной и нечернозёмной полос, свыше 7,5 десятин на душу населения¹²⁷. Урожайность же Терской области была выше, чем во внутренних губерниях России. Заметим, что из территории, отведённой индейцам по распоряжению правительства Соединённых Штатов на долю каждого местного жителя приходилось 603 акра (40 акров=14,7 десятин) земли¹²⁸. Общее количество частновладельческих земель в Терской области, по сведениям местного межевого управления, к 1 января 1884 года не превышало 668021 десятин (11,9 %), к 1893 году это количество увеличилось незначительно и достигло величины 691700 десятин земли¹²⁹. К 1884 году в Веденском округе был обмежёван всего 1 участок частного собственника, размером в 68 десятин. Всего в этом округе насчитывалось 144714 десятин земли¹³⁰. В начале 1893 года оставалось ещё 50,3 % всего пространства земель Терской области, без проведённого отмежевания.

Добровольное, вынужденное и насильственное переселение чеченцев на плоскость

Чеченцы издавна проживали не только в горах, но и на плодородных долинах Сунжи и Терека. В отношении установления хронологических сроков переселения с гор, между исследователями существуют разные мнения. Берже пришёл к выводу, что переселение с гор чеченцев и ингушей началось в 1530 году. Что же касается окончания процесса переселения, то его Берже относит к 1810 году¹³¹. При основании города Терки и вплоть до завершения Кавказской войны чеченцы уже жили на равнине¹³².

Одной из главных политических акций российского правительства по подчинению себе горских племён было выселение их с гор на плоскость и укрепление поселений в стратегически важных пунктах – путём соединения мелких аулов в крупные¹³³. Таким образом, ещё в начале 50х годов XIX века плодородные равнины по течению реки Терека были освобождены под заселение их казаками. Переселение аулов, столь удобное в административном и стратегическом отношении, произвело целую социальную революцию внутри жизненных систем горских народов. В Чечне неред-

ко власти уничтожали целые аулы, чтобы заставить переселиться их жителей на плоскость. В новых районах поселений земли правительством отводились только во временное пользование без определения их количества и границ. Жителям гор приходилось приспосабливаться к плоскостным условиям хозяйствования. Очень часто случалось так, что начальство передвигало аулы с места на место по несколько раз, ввиду важной административной необходимости и всегда при таких же условиях неопределённости и беспорядка.

Постоянные переселения на заселённую равнину способствовали стиранию племенных различий, исчезновению локальных этнических наименований и распространению общего национального этнического названия. В составе России сложились условия для консолидации прежде разрозненных тейповых организаций и сельских групп в большие сельские общества¹³⁴. В ходе земельного размежевания чеченские сёла Надтеречного наместничества получали запасную землю, на которую они обязаны были принимать переселенцев из Большой и Малой Чечни¹³⁵. Хотя в пореформенный период число крестьян-общинников на плоскости неуклонно увеличивалось, первоначальные земельные наделы оставались в прежних размерах. Естественный прирост населения, увеличение числа хозяйств, как за счёт дробления больших семей, так и за счёт принятия в сельские общества прибывших на постоянное жительство горцев, способствовали ещё большему обострению земельного кризиса. Например, в 1866 го-

ду в селе Ачхой – Мартан насчитывалось 373 двора. За 20 лет их число возросло до 730, так как в силу гостеприимства жители приняли в сельское общество 157 семей, возвратившихся из Турции и 39 семей, спустившихся с гор, и кроме того 161 семья составила естественный прирост. Между тем количество первоначально выделенной сельскому обществу земли оставалось прежним, что и приводило к непрерывному обезземеливанию горцев¹³⁶. В 1891 году в Грозненском округе плотность населения составляла 24,4 (из них 22,76 чеченцы) на квадратную версту¹³⁷.

Горцы, переселившиеся на плоскость, пользовались правами временно проживающих. Они чувствовали себя здесь далеко не вольготно: выплачивая наравне с коренными жителями селения земские повинности, отбывая натуральные сельские повинности, они в то же время не имели права на владение установленным паем общественной земли, а при решении общественных сельских дел – права голоса¹³⁸. Ввиду такого сложного положения переселенцев, они стали жаловаться областной администрации на сельские общества, что они их притесняют и не дают права пользования землёй наравне с другими. Такие жалобы особенно часто стали поступать к руководству с 1886 года, когда посторонних лиц записали в списки сельских обществ без ведома и согласия коренных жителей. Начальство это сделало для того, чтобы в документации не значились безземельные крестьяне. Когда

посторонние лица только появлялись в сёлах, они зачастую не объясняли своего происхождения, дабы получить более выгодные условия проживания, а ведь зачастую у многих из них оставались родовые участки в горах, которые они продолжали возделывать, или получали прибыль от их аренды или продажи. В спорах, возникавших между обществами и переселенцами, последние зачастую обращались в горский суд, который не мог разрешить споры, т. к. не имел твёрдых оснований для их разбора¹³⁹. Сельские общества жаловались в основном областному руководству на посторонних лиц, проживающих в их сёлах, но имевших земельные наделы в горах. Через окружных начальников им сообщалось, что они имеют право удалить из своих аулов всех не приписанных к ним, при содействии, в случае необходимости местной милиции¹⁴⁰.

Послевоенное переселение славян на Кавказ

В пореформенный период на Кавказ устремился огромный поток переселенцев из центральных и южных регионов России. За период с конца 1867 по январь 1897 года численность населения Предкавказья возросла на 172,4 %. Ни один район Европейской России, в том числе Новороссия и За-волжье, не имели за этот период столь высоких темпов роста населения, что само по себе говорит о большом экономическом преимуществе региона Северо-Восточного Кавказа, где десятки тысяч десятин земли раздавались новым переселенцам¹⁴¹. Иногородних в Терской области в 1897 году проживало более 92 тыс. человек, т. е. около 11 % населения региона¹⁴².

Законодательство признавало малоземелье (менее 5 десятин земли – усадебной, пашенной и сенокосной – на душу населения) совершенно достаточным поводом к переселению. Для водворения переселенцев назначались те губернии и области, в которых по числу душ государственных крестьян, причиталось в не степной части по 8 десятин на человека, а в степной по 15 десятин. К таким территориям относилась и область Северного Кавказа¹⁴³. Согласно закону о переселении 1889 года, крестьяне могли переселяться органи-

зованно, т. е. при оказании помощи со стороны правительства, либо на свой страх и риск¹⁴⁴. Сенатор Кузьминский в своём всеподданнейшем отчёте говорил следующее: «Замечено, что иногда самый состав переселенцев образуется из лиц, отставших от земледелия и отдающих полученную для колонизационных целей землю в аренду крестьянам – туземцам соседнего селения». Иногородние очень беспокоили казаков и последние, дабы избавиться от пришлого элемента, двигали переселенцев дальше в горы, на чеченские земли¹⁴⁵. В рамках упрочнения позиций российской государственности на Северном Кавказе в рассматриваемый период проводилась политика, направленная на изменение этнодемографической ситуации в регионе. Сущность данной политики заключалась в изменении этнического состава населения региона в пользу славянских народов, уменьшении доли коренных жителей в составе населения, в организации внутренних региональных миграций в соответствии с видами российского правительства.

С 1880-х годов XIX века в России теоретически оформляется так называемая доктрина «географии неблагонадёжности». Её создателями были военные статистики В.А. Золотарёв, Н.Н. Обручев, А.И. Макшеев¹⁴⁶. Суть данной доктрины сводилась к дифференциации районов империи по доле в их населении «благонадёжных» (славяне) и «неблагонадёжных» (поляки, евреи, немцы, народы Кавказа) этниче-

ских групп. Эта доктрина предполагала для нейтрализации «неблагонадёжности» той или иной территории систему мер, в число которых входили и депортации. Современный исследователь миграционных процессов на Северном Кавказе в XIX веке Н.Ю. Силаев отмечает, что в этом регионе подобный инструмент укрепления «благонадёжности» применялся властями уже с середины XIX века. Депортации, которые далеко не всегда имели жёстко принудительный характер, должны были сломать традиционные ареалы и формы расселения местного населения, так как было очевидно, что неблагонадёжность местного населения на Северном Кавказе во многом была обусловлена особенностями ландшафта и расселения (небольшими хуторами и сёлами, которые были особенно распространены в нагорной части края)¹⁴⁷.

Земля как форма награды кавказских горцев за заслуги перед Российской империей

Многим горским князьям и офицерам земли были дарованы российским правительством за особые заслуги ещё в ходе Кавказской войны. В результате проведения земельной реформы эти участки или были выкуплены государством или права на владения ими снова были высочайше подтверждены императором. Фактически наместник Кавказа на своё усмотрение раздавал эти земли, ибо в его приказе было сказано, что желающие получить землю должны обратиться к начальникам областей, а те, в свою очередь, с их ходатайствами «должны восходить до нас»¹⁴⁸. По ходатайству начальника Терской области 6 апреля 1867 года было получено предписание наместника Кавказского на разрешение отмежевания в Чечне частной собственности.

В частную собственность за заслуги было роздано местным влиятельным людям Чечни 8674 десятины. Но далеко не все представители горской знати получили частную земельную собственность. Представителям низших сословий было предоставлено лишь право пользования отводными наделами¹⁴⁹. Особенное внимание уделяло правительство горским феодалам, распорядившись наделить крупнейших из

них «на полном помещичьем праве», в вечное и потомственное владение участками земли от 1 до 5 тыс. десятин, смотря «по степени значения и оказанных каждым услуг правительству». Лицам, так называемой II категории (I категория – русские дворяне и чиновники) выдавались участки менее 1 тыс. десятин¹⁵⁰. В 70-х годах XIX века выделен был участок в 1000 десятин удобной земли в Нагорной Чечне начальнику Аргунского округа А. Ипполитову, породнившемуся с чеченцами – женившись на чеченке. Пользуясь своим административным положением, Ипполитов назначал своих родственников по жене участковыми начальниками, награждая их в свою очередь крупнейшими земельными владениями¹⁵¹.

В ходе Кавказской войны, в условиях военного времени, крупными земельными участками награждали отличившихся чеченцев после того, как наводили справки о них у стариков и односельчан – пользуются ли они уважением у населения, каковы их доходы и родословная¹⁵². После завершения войны создавались специальные сословно-поземельные комиссии, рассматривавшие вопросы правомочности наделения землёй горцев. Зачастую многим горцам, отличившимся в ходе боевых действий, которым была обещана земля, комиссия отказывала в этом, под разными предложениями¹⁵³. Некоторые представители высшего сословия Терской области были наделены крупными земельными участ-

ками по Указу правительствующему Сенату «... во внимание к особому ходатайству Наместника и согласно удостоению Кавказского комитета». Таким образом получили землю в вечное и потомственное владение: майор Улубий Чуликов – 400 десятин, капитан Ватуш Цутиев – 225 десятин, поручик Сатау Эльджуркаев – 182 десятины¹⁵⁴. В 1863 году наместник Кавказа издал приказ № 418, где было сказано «о праве раздачи частным лицам – русским и туземным офицерам, а также лицам гражданского ведомства, участков свободных казённых земель в Терской, Кубанской, Дагестанской областях и в Ставропольской губернии». Согласно этому приказу, право покупать у местного населения земельные участки получили русские офицеры и чиновники областной администрации¹⁵⁵. В 1902 году были изданы правила, Высочайше утверждённые 1 марта 1902 года «для скупки частновладельческих земель в Кубанской и Терской областях для надобностей Кавказских казачьих войск, на средства их капиталов»¹⁵⁶. Распродавали свои земли отставные генералы и бывшие чиновники, получившие их в награду «за особые заслуги при покорении Кавказа...». Так, офицерство Терского казачьего войска к 1890 году распродало 39 % всех отмежёванных ему по закону 1870 года земель¹⁵⁷. Не смотря на малоземелье, самовольные захваты участков были мало распространены в Терской области, о чём свидетельствовали местные земельные комитеты¹⁵⁸. Горцы крайне неохотно

и только в случае большой необходимости расставались со своей землёй. По их понятиям продавать фамильную землю было стыдно и оскорбительно для памяти предков ¹⁵⁹.

На Северном Кавказе земля стала предметом купли-продажи ещё в первой половине XIX века, т. е. в разгар Кавказской войны. Покупали землю состоятельные люди, в числе которых были и богачи из местных народов. Правда, в период Кавказской войны и сразу после неё чеченцы, кабардинцы и некоторые другие народы потеряли свои права на купленные земли. Царское правительство, воспользовавшись тем, что у некоторых народов (чеченцев, осетин и др.) феодальная собственность на землю не получила чёткого оформления (с юридической точки зрения), аннулировала права бывших владельцев. Колониальным властям было выгоднее во всех отношениях дать землю горской знати из своих рук. В этом случае горская знать попадала в непосредственную зависимость и активно выполняла волю царских чиновников и генералов ¹⁶⁰.

Многие царские чиновники понимали несправедливость конфискации земель у их законных владельцев. Наместник Кавказа Воронцов-Дашков писал: «Широкое развитие среди кавказского населения подворно-участкового пользования землёй свидетельствует, что кавказцам далеко не чуждо понятие о праве собственности» ¹⁶¹. Ф.М. Уманец, в своей работе «Колонизация свободных земель России» заяв-

лял: «Было бы несправедливо продавать местным инородцам те земли, которые они, действительно обрабатывали ещё до учреждения в этих местах колоний. Русская оккупация всегда и везде гарантировала каждому плоды труда и потому продажа инородцам того, что они создали своим трудом, противоречила бы традициям русской политики. Вековое пребывание в стране даёт даже народу вовсе не наделённому цивилизованными формами известное право на территорию отцов. До тех пор, пока нет хорошего закона регулирующего общинное землевладение, мы не имеем нравственного права, посредством оброчной подати, навязывать общинное землевладение...»¹⁶². Преобладание в Кубанской и Терской областях феодально – сословного землевладения (войскового казачьего, общинно-надельного и феодально – пожалованного) являлось главным препятствием для проникновения капиталистических отношений в сельское хозяйство и на казачьей, и на горской территории. Земельная аренда являлась важнейшим средством обхода названных препятствий. Развитие арендных отношений внутри горских обществ усиливало размежевание в среде крестьянства, что позволяло говорить не только о росте имущественного, но и социального неравенства у горских народов 1⁶³.

Спекулятивная аренда получила широкое распространение, ею занимались и чины правительства и администрации и офицеры, бравшие в аренду большие площади по 10–15 копеек за десятину и сдающие их в субаренду горскому на-

селению по цене, в несколько раз превосходившей первоначальную. Частные земли и горских и русских владельцев также попадали в сферу субарендных отношений. Субаренда была узаконена областной администрацией. Арендные договоры, утверждаемые начальником области, предусматривали, как правило права субаренды, особенно пастбищных участков, разрешался выпас скота за плату, которую устанавливал сам арендатор. Никаких официальных договоров с посторонними лицами (субарендаторами) арендатор не заключал, поэтому нельзя установить, сколько и по какой цене принимался скот на выпас¹⁶⁴. Войсковые земли, так называемый войсковой запас, эксплуатировались путём сдачи их в аренду, причём, как правило, очень крупными участками, что приводило к беззастенчивой спекуляции ими. В результате земля не доходила до мелких производителей или арендовалась ими по непомерно высоким ценам. В результате огромные средства перекачивались из сельскохозяйственного производства в карманы всякого рода дельцов и спекулянтов¹⁶⁵.

Бесплатная раздача земель наполняла регион массой более или менее состоятельных людей, всё хозяйство которых заключалось в спокойном выжидании минуты, когда подаренный участок поднимется в цене вследствие естественного притока населения. Раздача земель «возбуждала аппетит» и порождала спекуляцию, но не способствовала успехам в

земледелии и промышленности¹⁶⁶. Арендные цены на нефтеносные участки были выше, чем на землю, занятую под сельскохозяйственные угодья. Аульные общества были лишены права сдавать в аренду нефтеносные участки – земля им предоставлялась не на правах собственности, а только в пользование с правом поверхностной разработки, недра её считались достоянием казны¹⁶⁷. Предприниматели вынуждены были выплачивать большие суммы казачьему войску за аренду земли. Это отвлекало капиталы в сельское хозяйство и торговлю, тормозило развитие промышленного капитализма¹⁶⁸.

Формы развития арендных отношений

Казённые земли большей частью сдавались арендаторам, иногда очень крупными кусками, за малую плату и на большие сроки, лишаящие казну даже возможности пользоваться совершающимся общим повышением земельной ренты¹⁶⁹. Земля сдавалась в аренду, как правило, крупными участками (и чем больше участок, тем дешевле цена одной десятины) с обязательным внесением залога и части арендной платы вперёд. Для того чтобы осмотреть сдаваемый в аренду участок, явиться на торги, выполнить все формальности по заключению арендного договора, нужно было располагать свободным временем, определёнными средствами и связями. Необходимо было также получить специальное разрешение для поездки на торги, требовалось знание русского языка, чтобы следить за объявлениями, знание и понимание арендной конъюнктуры и др. Почти во всех округах доход в сельские капиталы от сдачи земли в аренду не превышал 10 %, меньше всего он был у чеченцев (Грозненский и Веденский округа), которые имели мало земли.

Большое распространение субаренды объясняется не столько «особым пронырством» земельных спекулянтов, сколько неизбежным результатом той социально-экономиче-

ской политики, прежде всего аграрной политики царизма в целом, в отношении горских народов, теми исключительно благоприятными условиями для земельных спекуляций, которые создавало само правительство и местная администрация¹⁷⁰. Главнейшими статьями доходов казачьих войск являлись доходы с земли и правительственные субсидии. По абсолютной величине войскового капитала, приходящегося на душу мужского пола войскового сословия наиболее богатым являлось Астраханское войско, где на каждого приходилось 76 руб. 41 копейка. Терское войско по богатству занимало 5 место из 11 казачьих войск, здесь на 1 казака приходилось 23 рубля 93 копейки. Расход составлял 6 рублей 54 копейки. По количеству дохода с войсковых земельных угодий Терское войско занимало 2 место. Доход с земли там составлял 66,6 % к общему войсковому доходу. По количеству выделяемых правительством субсидий к общему доходу – среди казачьих войск, Терское было на 7 месте, они составляли 18,2 %. В Терском казачьем войске с 1877 по 1900 г. войсковые капиталы увеличились с 400 тысяч до 3 млн. рублей. Это было результатом получения доходов с нефтеносных земель, которые войско сдавало в аренду¹⁷¹. Так как в большинстве станиц земельные владения значительно превышали рабочую норму, то излишки земли сдавались в аренду¹⁷². В Терской области наибольший процент применения рабочей силы приходился на Пятигорский, Кизлярский от-

делы и минимальный – на Грозненский округ¹⁷³. Рыбные ловли в реке Терек с его притоками и рукавами также составляли собственность казачества и зачастую сдавались горцам в аренду¹⁷⁴.

По условиям земельных арендных договоров требовалось внести залог, обычно равный половине арендной платы, и первый полугодовой взнос. В 1897 году в руках крупных арендаторов находилось 66458 десятин казённой земли в Терской области, средняя цена арендуемой земли была 7,5 копеек за десятину¹⁷⁵.

В то время как русский крестьянин имел в 1872 году 4,1 десятины на душу мужского пола, терский казак имел в конце 1889 года 21,3 десятин. Казачья семья часто бывала не в состоянии обрабатывать свою землю собственными силами и прибегала к найму пришлых рабочих, отдавала излишек земли в аренду, или же просто оставляла землю под целину, без всякой обработки, поэтому казака скорее можно было назвать мелким собственником, работодателем, чем крестьянином¹⁷⁶. Чтобы стимулировать развитие сельскохозяйственного производства среди казачества в 1895 году начальник Терской области запретил казакам сдавать чеченцам и ингушам в аренду свои паевые наделы и даже вступать с ними в куначество¹⁷⁷. Избыточность казачьих наделов доказывалась тем фактом, что станицы ежегодно отдавали горцам и русским в аренду более 322 тыс. десятин, то есть

каждый казак – по 3 десятины¹⁷⁸. В Терском казачьем войске на одного мужчину приходилось, за вычетом сдаваемой в арендное содержание, 12,8 десятин удобной земли¹⁷⁹.

На плоскости на чеченца или ингуша приходилось по 2–3 десятины земли, у живущих в горах было не более 4 – 6 десятин (сведения на 1907 год). К числу удобных земель в Чечне были отнесены места, покрытые сплошными зарослями¹⁸⁰. Терским казакам было нарезано 2 млн.9 тыс. десятин земли. Казачья семья имела от своего земельного надела валовой доход 918 рублей, из которого бюджет семьи составлял 778 рублей и оставался излишек 140 рублей. Самая богатая чеченская семья на плоскости, по сведениям Терского областного статистического комитета (1903 г.), от земельного надела получала доход 262 рубля, расходуя на своё содержание 414 рублей, дефицит составлял 152 рубля¹⁸¹. А.А. Гассиев, болевший душой за свой народ, отмечал крайне несправедливое положение дел в Терской области: «...Я думаю, всякий согласится, что национальности, живущие рядом соседями, не могут достигнуть счастья, если один из них на родной территории бедствует от малоземелья, другие не в силах обрабатывать занятые ими обширные площади той же территории. Только в нагорной полосе Терской области 15 % мужского населения совсем не имеют земли»¹⁸².

Процесс разорения бедноты отмечает и Абрамовская комиссия: «Бегенда, как единственный источник получения

кредита, достигла громадного развития среди населения горских обществ и служит одним из источников к образованию безземельного пролетариата, т. к. заёмщики в редких случаях в состоянии выкупить заложенную землю...» Бегенда представляла собой бессрочный залог земли под деньги, скот и другое имущество, она имела черты ростовщичества (заём денег в залог земли, вместо ростовщических процентов – пользование заложенной землёй). Владелец земли мог получить свой участок обратно, только вернув деньги или скот. В случае невозвращения долга земля переходила в собственность заимодавца. Абрамовская комиссия отмечала последствия бегенды для горной Чечни: «Во всём этом районе бесконтрольная и неограниченная продажа и залог земель, а также разделы их в порядке наследования привели к тому, что во всех обществах имеются семейства, не имеющие пахотных и сенокосных участков»¹⁸³. В силу того, что сумма залога всегда была меньше рыночной цены на землю, жилищные верхи с помощью бегенды выгодно приобретали землю у горского крестьянства. Так, богатый чеченец Кадыр из села Селеты, Грозненского округа, в 90-е годы XIX века купил 10 загонов земли за 760 рублей (по 76 рублей за загон) и в то же время по праву бегенды приобрёл 7 загонов пашни за 70 рублей – по 10 рублей за загон (в 7,6 раза дешевле)¹⁸⁴.

Зачастую арендаторы нарушали условия договора и возникали земельные споры, которые разрешало в основном областное руководство. Приведём несколько наглядных при-

меров. Начальник Грозненского округа А. Ипполитов назначил своего шурина Гудоната участковым начальником. Общество дало Гудонату в пользование сенокосы и пастбища в урочище Саракайлам. После снятия его с должности, он сообщил руководству, что данный участок земли никому не принадлежит. Участок был взят в ведение казны и сельское общество вынуждено было ежегодно его арендовать, выплачивая по 100 рублей в год за свою – же собственность¹⁸⁵.

Другой пример. Представители семьи Ханалиевых объясняли областному руководству, в ходе их земельного спора с беноевцами, что их предки приобрели участок земли за 400 рублей у жителей села Ярыксу – Аух, семьи Гетежевых. Ханалиевы владели этим участком до 1861 года, когда начальник Нагорного округа, генерал-майор Вояковский, попросил их уступить землю на 3 года, во временное пользование поселившимся в Галайтах беноевцам, т. к. на новом месте жительства у них земли не было. Ханалиевы, по истечении указанного срока требовали вернуть им землю, или наделить их равноценным участком в другом месте. Отстаивая свои права на земельную собственность, Ханалиевы намерены были вести процессы во всех судебных инстанциях. Терское областное правление, журналом от 15 февраля 1897 года, определило «домогаательства семьи Ханалиевых» оставить без удовлетворения, за не представление истцами каких-либо письменных документов на право владения земельным участком¹⁸⁶.

У горских народов Северного Кавказа имелись все основные формы земельной аренды: продуктовая, отработочная, денежная – самая распространённая, особенно в землевладении¹⁸⁷. Абрамовская комиссия, как и ряд других источников, называла огромные суммы, уплаченные горскими народами за аренду земли. Арендные платежи только населения Нагорной полосы Терской области и Карачая ежегодно составляли в начале XX века громадную сумму – 1568860 рублей, из которой 1/3 (400 рублей) выпадала на чеченцев. Борьба за снижение арендных цен, за передачу арендуемых участков в собственность трудового населения составляла главное содержание аграрного движения на территории горских округов и отделов в трёх русских революциях, превращала горскую бедноту в союзника российского пролетариата. Арендные цены для горского населения были выше в 2–3 раза, чем для русских арендаторов на плоскости (при аренде пастбищ). Повышенные арендные цены для горского населения устанавливались администрацией при наличии огромных площадей совершенно не использованной земли. Станичные общества и плоскостные селения сдавали в аренду свои земли жителям горных аулов также по более высокой цене. Население Чечни арендовало землю преимущественно под посев. Потребность горского населения в аренде пахотных земель была исключительно велика. Она определялась не только нуждой в хлебе, как важном продукте питания, но и тем, что в плоскостных районах зерно становилось основ-

ным товарным продуктом сельского хозяйства¹⁸⁸.

Аулы можно подразделить на 2 вида: расположенные на землях войскового запаса и казённых (они сдавались без торгов), и на станичных и частновладельческих землях, которые брались в аренду на торгах по обычным договорам. В отдельных случаях правительство сдавало казённые земли в аренду не крупным арендаторам, а горским обществам, существование которых было совершенно не обеспечено ввиду отсутствия у них удобной земли. Это был один из приёмов «умиротворения» горского населения. Предоставляя безземельному горскому населению в отдельных случаях льготы на аренду казённых и войсковых запасных земель, правительство всё же не пошло на передачу их в постоянное пользование горцам, хотя бы на общинном праве землепользования – сдача земли в аренду даже по таким ценам давала казне больше доход, чем размер земельного оброка; поэтому эти земли не передавались даже в постоянную аренду, т. к. при новой сдаче цена аренды могла повышаться¹⁸⁹. Летние пастбища сдавали в аренду и отдельные аулы горной Чечни. Плата везде взималась с головы скота, поэтому с целью увеличения доходов в общественные суммы скота принимали больше, чем это диктовалось размерами и состоянием пастбищ, что приводило к их истощению – земля буквально вытаптывалась скотом.

Малейшего повода для обвинения в укрывательстве абреков было достаточно, чтобы царские администраторы приня-

ли крутые меры к жителям селений на арендованной земле. Это была тяжёлая кабала, которую вынуждено было принять горское население из-за своего безвыходного положения. Положение горцев на арендованной земле осложнялось целой системой ограничений и дополнительными тяготами. Всем жителям этих селений необходимо было иметь особое поручительство от своего общества (откуда переселялись), а также поручительство казака станицы, в юрте которого располагался войсковой запасной участок. Эти небольшие селения должны были за свой счёт содержать чинов администрации. Жители селений на арендованной земле делали денежные платежи и выполняли подводные повинности в старых обществах, членами которых они считались. Все эти расходы повышали стоимость аренды нередко в два и более раз, что следует учитывать при определении расходов горского населения на аренду земли. Земля сдавалась в аренду, как правило, на срок до 5 лет, по истечении которого нужно было заключать новый арендный договор, обращаться с прошениями к начальству (при аренде казённой и войсковой земли), что требовало и времени и расходов 1⁹⁰.

Завоевание Северного Кавказа совпало с реформами в России. На Кавказе, в ходе земельной реформы, вопрос собственности был ключевым. Империи необходимо было конфисковать чеченские земли и превратить их в казённую государственную собственность, а это можно было сделать только под благовидным предлогом (дабы избе-

жать волнений и кровопролитий) – путём ликвидации остатков высших сословий, которые могли мобилизовать общественность. Также для выполнения этой задачи требовалось подтверждение существования только традиционной общественной собственности. В связи с отсутствием потомственных землевладельцев, некому было бы выставить в частном порядке претензии государству по поводу экспроприации и конфискации собственности – вся земля объявлялась собственностью государства и уже раздавалась за заслуги по интересам оного. Колониальная политика царской администрации основывалась на праве победителя (захватном праве). В связи с этим вся земля бесцеремонно объявлялась казённой, а население имело только возможность пользоваться ею на определённых условиях. Все общественные земли и так называемые «земли, впусе лежащие», а также недра и воды переходили в государственную собственность, а их исконные владельцы могли только арендовать эти земли у колониальной администрации. На захваченных землях царские власти создавали казачьи станицы, русские переселенческие посёлки, полигоны, казармы, военные города, отводя им лучшие земли и львиную долю оросительной воды¹⁹¹.

Страх перед непредсказуемыми последствиями массового расселения горцев на арендованной земле заставлял администрацию области идти на репрессии против горцев. Так, в 1890 г. начальник Терской области генерал Каханов потребовал выселить всех временно проживающих горцев на

арендованной земле на старые места, т. е. обратно в горы. В 1895 г. распоряжение генерала Каханова выполнили. Села и хутора горцев были уничтожены. Сами горцы под конвоем были высланы в прежние места проживания. Так были уничтожены хутора Берешки (7 дворов), Мершет (17 дворов), Нижние Берешки (11 дворов), Алхасты (5 дворов), Нижний Аршти (27 дворов), Верхний Бамут (27 дворов). Жителями уничтоженных хуторов были чеченцы и ингуши, они проживали на арендованных землях Нестеровской, Ассиновской и Фельдмаршальской станиц. Комиссия, которая выселяла горцев с арендованной войсковой земли, составляла акты. Видимо, инициаторы, вдохновители и исполнители репрессий хотели придать «законный» характер очевидным беззакониям¹⁹².

Чеченская частная собственность на землю

Частная собственность, по праву, считается индивидуальной и поэтому, в принципе, неприкосновенной перед властью захватчика. Человек имеет свою сферу индивидуальной свободы, относительно которой он перед государственной властью является суверенным¹⁹³. Юридический стержень общинного права, составляет право отдельного лица, а не общины, как массовой единицы. В 1877 году правовед С.В. Пахман разъяснял: «... всякая община, как корпорация, преследует в своей сфере те же цели, какие свойственны самому государству: подобно последнему, она имеет своей задачей осуществление всех необходимых условий благосостояния членов»¹⁹⁴. Следовательно, и частные лица и община, представлявшая совокупный интерес индивидов, были, прежде всего, заинтересованы в сохранении их прав от посягательств как отдельных лиц, юридических организаций, так и государства (представителя множества частных интересов). Существовали и некоторые юридические «лазейки», используя которые государство манипулировало правами своих новых граждан. Если термин «сельское общество» понимался как административная единица, в которую входили отдельные поселения, то у этого общества не могли быть

целиком в пользовании земли, т. к. сюда входили и отдельные отсёлки, сёла и хутора, принадлежавшие по праву частной собственности отдельным фамилиям. Если под «сельским обществом» понималось отдельное поселение, принадлежавшее какой-то фамилии, то оно существовало на праве собственности, однако его ещё надо было доказать, причём документировано¹⁹⁵.

В большинстве случаев границы аульных земель и участков, состоящих в исключительном владении частных лиц, были известны населению. Об этом положении дел было известно и областной администрации. Частные лица, требуя закрепления за ними земель, представляли, как доказательство справедливости их претензий то, что земли, о которых они просят, издавна считаются их родовой собственностью. И как писала одна из земельных комиссий: «...К сожалению домогательства многих из туземцев увенчались успехом»¹⁹⁶. Сулейман Чуликов обращался к командующему войсками Терской области князю Д.И. Святополк-Мирскому с таким прошением: «Родной мой отец бывшей царской службы поручик Чуликов в 1809 году вывел из гор несколько именитых горцев: покоривши их, он поселился на правой стороне Терека против станицы Ищёрской, Моздокского полка. Назван был Чулик-Юрт..., мой отец имел в собственном владении тот аул и принадлежавшую к нему часть земли, называемой Бено – Бёром, на которой он занимался ежегодно сенокосом и жители всегда повиновались ему как владельцу аула...

Будьте столь милостивы, не откажите в исходатайствовании к вышеозначенному участку земли письменного документа на потомственное владение оной». С такими – же прошениями обращались к властям и другие влиятельные чеченцы¹⁹⁷. По ходатайству наместника на Кавказе и согласно утверждению Кавказского комитета в вечное и потомственное владение Чуликову было пожаловано 400 десятин земли. Также землю получили и некоторые другие чеченцы, приближённые к российской власти: Джамалдин Мустафинов – 400 десятин; Касум Курумов – 579 десятин; Бота Шамурзаев – 585 десятин; Ахматхан Эльмурзаев – 470 десятин; Соада Саралиев – 400 десятин¹⁹⁸.

По общему указанному правилу «Положения об инородцах» – осёдлые инородцы сравнивались с россиянами «в правах и обязанностях по сословиям, в которые они вступят», их право собственности защищалось всей строгостью закона¹⁹⁹. Верховная власть, будучи сама источником закона, связана была им нравственно, а не юридически. Во имя государственной цели законный порядок нарушался самой же властью, с помощью указов, особых Положений; однако некоторые представители структуры управления считали такие действия аморальными по отношению к гражданам и не считали оправданным нарушение частного права – столпа экономического развития и политической стабильности. Действия государства оправдывались следующим образом:

«...каждое имущество в государстве, хотя и предоставляет- ся исключительно господству одного лица, всё-таки может и должно служить целям государства, а как цели и интересы государства выше интересов отдельных лиц, то право сих на имущество должно быть ограничено, на сколько того требуют общественные интересы»²⁰⁰. В азиатских государствах не было собственности, носившей печать личной, исключительной власти на землю и воду, а было право пользования, на практике носившей общественный характер. Такую же систему решено было ввести и на Северном Кавказе, что входило в противоречия с давними историческими традициями повсеместного пользования частными правами.

Земли у горцев всегда служили предметом гражданского оборота: купли-продажи, залога, дара. Следовательно, такое владение заключало в себе все элементы права полной собственности, указанные в российских законах, т. е. – владение, пользование и распоряжение. Посягательство на пашню, луг или сад коренного жителя Кавказа, было равносильно посягательству на его личную свободу. Для полного сближения обычного права горцев на землю с правом собственности на основании общегражданских законов (ст. 420 и 423. Т.Х. Ч.1. Свод зак. изд.1900 г. право на имущество) недоставало, следовательно, лишь формального момента укрепления его за фактическим владельцем в порядке, установленном гражданскими законами. «...Обычное право горцев на землю тождественно по содержанию с общеимперским

правом поземельной собственности» – считал наместник на Кавказе граф Воронцов – Даш-ков²⁰¹. Также он высказал своё мнение императору во всеподданнейшей записке, где говорилось о желательности предоставления земли на праве собственности горцам, т. к. только тогда «землеустроительные цели будут достигнуты»²⁰².

Начальник Терской области генерал-адъютант Свистунов считал необходимым: те земли, которые находятся во владении частных лиц, закрепить на праве собственности за этими лицами, земли же аульных обществ признать собственностью этих обществ. Свистунов считал, что для всеобщего равномерного подворного распределения земли пришлось бы уничтожить обычное право, и, обратив все земли в государственную казну, распределить между населением. Но такое действие, по мнению начальника области, было бы незаконно и несправедливо, т. к.: 1) частные участки созданы с большими затруднениями и денежными затратами и нет основания лишать собственников их векового права; 2) с уничтожением обычного права собственности, положение большинства населения ухудшится и подорвёт доверие к правительству²⁰³. Само правительство поддерживало в населении уверенность в вотчинных правах на родовые земли и даже «Высочайшее повеление» о расчищении из-под леса участков земли последовало в смысле признания за жителями прав собственности на эти участки. Проект по сохране-

нию права земельной собственности, составленный Свистуновым, был признан в Тифлисе неприемлемым²⁰⁴. Возражения начальника Главного управления наместника на Кавказе, генерал-лейтенанта Старосельского Свистунову заключались в следующем: а) Проект допускает возможность перехода всех лесов в общинное владение, или в частную собственность – что недопустимо; б) Межевание всех участков, отходящих в частную собственность, составит слишком обширный труд и затормозит дело на долгие годы. Разногласия привели к тому, что вопрос о поземельном устройстве жителей Нагорной полосы продолжал оставаться без движения до 1885 года. Предварительная межевая съёмка закончилась в 1905 году²⁰⁵.

В 1906 году приказом главнокомандующего Кавказским военным округом от 18 апреля, в городе Владикавказе была образована Комиссия для исследования правового и экономического положения Северного Кавказа. К работе в этой комиссии не были допущены горцы. Собственником земли комиссия считала казну, указывая, что у горцев земли никогда не было, и что они её не желают. Комиссия предположила, что меньшинство владеет землёй, но не имеет права на её недра, только – на поверхность. Высказываясь против права собственности горцев на землю, комиссия утверждала, что укрепление собственности на Кавказе – совершенно излишняя формальность. По мнению членов комиссии, тот факт, что население регулярно платило подати государству

указывает на то, что жители фактически признали право государства на землю. Однако, в решениях Сената за № 74/146, 71/1080, 72/261 говорилось, что подати не могут устанавливаться за казной собственности²⁰⁶. Подымная подать не входила в оброк на землю – на этом основании земля не могла считаться казённой²⁰⁷. На Кавказе гражданами Российской империи становились все жители присоединенных территорий, хотя в первые годы система налогообложения там не была введена. Закон о гражданских правах, принятый в 1866 году в США, в число граждан включал лишь индейцев, облагаемых налогами²⁰⁸.

На рубеже XIX–XX вв. С.В. Витте, хотя и без особого успеха, доказывал, что «сближению инородческих племён с русской народностью мешает создание без крайних необходимостей каких бы то ни было новых поводов к недовольству»²⁰⁹. При обсуждении земельного вопроса в Совете министров представитель наместника на Кавказе (графа Воронцова-Дашкова) напомнил, что при присоединении Кавказа его народам было обещано сохранить право собственности на находящиеся в их владении земли, причём горцы считали землю своей и продолжали совершать сделки купли – продажи. Однако большинство министров отвергло ссылки на давние обещания, преследовавшие, по их мнению «... главным образом политические цели...»²¹⁰.

В условиях аграрного кавказского общества, сложившейся

ся социальной стратификации и традиционного права собственности на землю, основанного на трудовой заимке, давности владения, праве сильного, отсутствовало понятие юридического оформления собственности на землю. Это давало возможность Российскому правительству, опираясь на военную силу, объявить предгорные и плоскостные земли Северного Кавказа казёнными, но при этом официально не отрицались права коренного народа на эти земли.

Размещение на территории горских народов военных крепостей и казачьих станиц, дарование крупных участков земли в частную собственность отдельным представителям местной феодальной знати, усиливающаяся малоземелье, проникновение и рост товарно – денежных отношений стали побудительными причинами для горской элиты о постановке вопроса перед Кавказской администрацией о выдаче документов на законное (с точки зрения Российского законодательства) владение принадлежавших им земель. Администрация, обещая узаконить собственность, постоянно откладывала решение вопроса, создавая для этого различные комитеты и комиссии²¹¹.

Таштемир Эльдарханов, работавший в 1898 году учителем в Грозненской горской школе, избирался членом I и II Государственной думы от малых народов Терской области: чеченцев, ингушей, кабардинцев и кумыков. В своих выступлениях он разоблачал царское правительство, незаконно расхищавшее природные богатства, принадлежащие гор-

цам, и требовал, чтобы это расхищение было остановлено. После возвращения в Грозный, Эльдерханов подвергся преследованиям со стороны царской власти. В Терской области ему было запрещено заниматься педагогической деятельностью, и он вынужден был покинуть родину и переехать в Баку, где стал преподавать в городском училище²¹². Горькая правда, высказанная простым чеченским учителем с самой высокой государственной трибуны, отражала реальность. К сожалению, в ходе земельной реформы все частные права 200000 чеченского населения были попораны – земля их, почти повсеместно, за небольшим исключением, стала казённой. Более того, не только земли, но и недра (полезные ископаемые) и воды стали собственностью государства. Захват земли происходил двумя способами: с помощью экспроприации и в результате конфискации.

Экспроприация и конфискация чеченских земель

Что же такое экспроприация? Экспроприация – это принудительное действие государства, направленное на приобретение для общей пользы частных имущественных прав или их ограничение. Экспроприация не может быть предпринята в выгодах отдельных лиц. Она составляет исключение из общего, признанного всеми законодательствами начала, по которому частные лица вправе распоряжаться своим имуществом по своему усмотрению. Экспроприация производится во имя государственных интересов, поэтому экспроприантом является само государство, в лице правительственных органов²¹³. В Чечне, в ходе земельной реформы помимо экспроприации имущества, когда частично собственность была возвращена владельцам, как, например, чеченские князья были вознаграждены земельными участками, повсеместно осуществлялась конфискация частной земельной собственности у рядовых чеченцев. Основное правило экспроприации состоит в том, что она должна совершаться для общественной пользы и за справедливое вознаграждение. Иначе – это конфискация, которая составляет нарушение права, несовместимое с правильным гражданским порядком. Верховное право собственности переходит в пол-

ную собственность, как скоро оно не встречается с частным правом. С устранением частной собственности вещи переходят в собственность государства.

Ещё в середине XVIII столетия в России было утверждено главенство гражданского закона. Наказ от 30 июня 1767 года гласил: «Когда для пользы общей потребна земля, частному человеку принадлежащая, то не должно тут поступать, по строгости закона государственного, но сей случай есть тот, в котором должен торжествовать гражданский закон, который материнскими глазами взирает на каждого особого гражданина так, как и на целое общество. Если польза общая требует, чтобы один участок земли, принадлежавший человеку частному, был у него взят, то должно сему человеку в убытке сделать удовольствие»²¹⁴.

Теория неприкосновенности прав частной собственности находит своё удовлетворение в полном и справедливом вознаграждении собственника за обязательное отчуждение. Политическая экономика доказывает, что принцип отчуждения надо искать не в смутных определениях общественного блага, но в том, что видоизменения, в существующих определённых частными правами отношениях собственности, составляют неизбежное условие общественного развития²¹⁵. Всякое отчуждение частного земельного имущества на государственную или общественную необходимость, должно было заканчиваться составлением межевого плана, по межевым законам. Всё что уже было отчуждено, не могло возвратить-

ся бывшему владельцу по частям. Он мог только поставить вопрос о недостаточности денежного вознаграждения²¹⁶.

На Кавказе, при назначении частным лицам вознаграждения из казны за имущество, отошедшее на государственные или общественные нужды, соблюдались правила, изложенные в учреждении управления Кавказским краем (изд. 1886 г.). Кавказская администрация почти всегда определяла самостоятельно стоит ли вообще выплачивать компенсацию за отчуждаемое имущество, и в каком размере это делать. Например, после постройки Военно-Осетинской дороги местным жителям не было выплачено вознаграждение за отчуждённые земли, т. к. руководство считало, что эта дорога была гораздо более необходима населению, чем казне. В тех же случаях, когда земля уступалась для других, менее важных для населения задач, государственное вознаграждение выплачивалось. Так, 7 тыс. рублей казна заплатила за землю, отведённую под Аллагирский завод²¹⁷.

На основании ст. 387 тома X гражданских законов России: реки, озёра, пруды считаются принадлежностью земель и, следовательно, подобно всем другим предметам на её поверхности и в недрах (минералы, нефть) не представляют собой особого предмета собственности. Реки несудоходные, пруды могут быть или частными или общественными. По праву полной собственности на землю, владелец, на основании 424 ст. X тома гражданских законов России, имеет право на воды, находящиеся в пределах его земли. По ст. 428, если

река составляет границу между прилегающими к ней владениями, то каждый из владельцев может ею пользоваться по береговому праву, от своего берега до середины реки. Определение права собственности на проточные воды включает в себе определение такого же права на ложе, русло или берега. Под понятием о реке подразумеваются 3 составные части: вода, русло, берег²¹⁸. Российский закон признавал право частной собственности на проточные воды, за исключением судоходных рек, которые являлись собственностью государства. При этом ограничения распространялись и на полосу земли, идущую по берегу около судоходной зоны.

Хотя река Терек и не являлась судоходной, однако она, в обход российского законодательства, стала государственной собственностью. Право ловли рыбы принадлежало Терскому казачьему войску на особых основаниях. Морские воды Каспия стали общим достоянием Терского войска, земли при реках и воды были распределены между офицерами и казачьими станицами²¹⁹. По вопросам о проводе оросительных каналов через чужие владения российские законы не давали указаний²²⁰. Вопрос о проведении воды через чужие владения сводился к общим вопросам об ограничении права собственности правами участия общего и частного и об экспроприации в государственных и частных интересах²²¹.

Частное право у чеченцев существовало с незапамятных времён. Н.С. Иваненков, исследуя вопрос землевладения в

горной Чечне, где традиционные формы сохранялись лучше, пришёл к выводу, что землевладение у чеченцев издревле было частным²²². Особенно ценилась плодородная равнинная земля, которую получали в собственность путём расчистки её из – под леса. Случаев массового переселения в горы по экономическим мотивам не знает история Кавказа. Во все эпохи горцы пользовались удобным случаем для переселения на равнину, или, как говорят на Кавказе, на плоскость. Всё это противоречит представлению о том, что горские народы ещё в глубокой древности чуть ли не добровольно обрели себя на вечное пребывание в горах и будто бы никогда не меняли своего места жительства и даже не стремились к этому²²³.

Государственная комиссия, назначенная для решения земельного вопроса в Терской области, также подтвердила существование частной земельной собственности, как в чеченских горах, так и на равнине. Старший советник Абрамов сообщал: «В Нагорной полосе, в пределах Грозненского округа, существует частная собственность. Сельские общества сами признают так называемые родовые потомственные участки за частную собственность». Его слова подтвердил и старший советник Попов: «В чеченских селениях разрешена была купля – продажа, даже и посторонним лицам, земель, причём утверждение подобных сделок возлагалось на горные суды»²²⁴.

В XVIII–XIX веках у горцев на Кавказе существовало 2 типа собственности: частная, которая была господствующей и общинная. Частная была представлена 2 подтипами: феодальной, которая также была господствующей и трудовой собственностью рядовых общинников²²⁵. Часто владельцы земли отдавали безземельным крестьянам в аренду пахотно – посевные земли и пастбища²²⁶. По мнению Е.А. Борчашвили, у вайнахов в конце XVIII – перв. пол. XIX вв. частная собственность занимала господствующее положение. Он устанавливает наличие в Чечено-Ингушетии следующих форм собственности на землю: феодальную, частно-индивидуальную собственность на трудовую землю, сельско-общинную и общинно-удельную. Частное право на землю существовало у чеченцев очень давно. Древние римляне особенно уважали право, приобретённое незапамятной давностью²²⁷. Исследователь Кавказа в XIX веке Лонгворт утверждал: «Ограда составляет здесь единственное доказательство на право владения». Таким образом, огораживание участков являлось одновременно одним из оснований возникновения собственности на землю. Впоследствии земельные участки стали передаваться по наследству, чем окончательно закреплялся их статус. Чеченец Бики, один из первых поселенцев Харачоя, состоял в земельном споре с зилоевцами, который был разрешён состязанием в скачках. После решения спора Бики написал на камне время скачки и

указал место, разграничивающее пастьбу, – озеро Чархи-ам. Камень этот он положил в одну из стен своей башни, над дверьми²²⁸.

Появление земельной собственности повлекло за собой становление арендных отношений, что особенно получило развитие перед Кавказской войной. Землю в Чечне покупали и продавали, что также является косвенным доказательством наличия частной земельной собственности до установления русской власти. По обычаю, во всех чеченских селениях требовали от продавца, чтобы он сначала предложил родственникам купить землю. Если они не соглашались на это, то продавец вправе был продать участок лицам своего же села. Во времена имамата Шамиля, по шариату разрешалось продавать землю кому угодно²²⁹.

При совершении купли-продажи земли записей не делали. Это и послужило главным «козырем» в руках царской администрации, которая считала, что раз нет «бумаги» – значит и нет доказательного права на владение землёй, а это значит, что в Чечне нет частных собственников, всю землю можно считать общинной и конфисковать в пользу государства. Кавказские знаки собственности, как заменяющие письменные акты укрепления прав на имущество, имеют такое же юридическое значение, как и сами акты, а, следовательно, упомянутые знаки являются юридическими в полном смысле этого слова. Гербы, обладая свойствами знаков собственности, также во многом заменяли собой докумен-

тальные акты²³⁰. Исследователи также давно обратили внимание на клейма (тамги), которыми пользовались кавказские народы для того, чтобы отличать лошадей и рогатый скот, принадлежавший разным хозяевам. Тамги ставили вместо подписей и печатей под документами. Тамги являлись показателями частной собственности. Н.Н. Харузин записал в 1886 году сведения о бытовании тамг у чеченцев и ингушей. Рисунки чеченских и ингушских тамг, по словам Харузина «...крайне разнообразны: некоторые имеют вид круга, креста, другие начальные буквы владельцев...»²³¹. В ходе Кавказской войны Шамиль вознаграждал землями в Чечне за боевые заслуги, причём имам выдавал документальные свидетельства на частное владение земельными участками. Так, Шамиль-Хаджи Ума Эльджиев владел участком земли в 630 десятин, подаренным его отцу имамом Шамилём²³².

В далёком прошлом в Чечне было проведено что-то вроде земельной реформы. Границы между частными участками проводились тогда торжественно, с выполнением обрядов и «принесением тяжёлых клятв». По преданиям, записанным И.М. Саидовым, в бывшем Галанчожском районе (1961 г.) и в Джераховском ущелье (1962 г.) любому человеку хорошо была видна и строго соблюдалась священная граница земельного владения каждого собственника. Когда чеченцы по указам своих старейшин межевали землю, то на землях тёмного цвета ставили в качестве межевого знака белый камень,

а на землях светлого цвета – чёрный камень²³³. На символических знаках собственности отражалась известная степень народной культуры. С установлением российской административной системы на Северо-Восточном Кавказе чеченцы не могли доказать царским чиновникам свои права на землю, так как не имели юридически оформленных документов. Так, например, начальник Веденского округа объяснял исследователю Н.С. Иваненкову, что у чеченцев нет собственности. Своё мнение он прокомментировал, заявив: «А какие у них документы?»²³⁴.

Чеченцы, согласуясь с адатом и шариатом, землю продавали, дарили, отдавали в качестве приданого, оставляли в залог, отбирали в качестве штрафа, не фиксируя свои действия на бумаге, действовали в системе устного права²³⁵. Женщины по обычному праву (адату) не могли приобретать землю, но по шариату женщина была полноправна в этом отношении с мужчиной. Поэтому, в период имамата, когда предпочтение отдавалось шариату, некоторые женщины получили свои участки земли. С началом купли – продажи земли появилось и право полной частной собственности на землю²³⁶. Кто уходил из общества на время, тот закладывал землю. Когда же уходили навсегда, то продавали её.

Царская администрация запрещала продажу земель как посторонним для общества лицам, так и лицам одного рода. Свои разъяснения по этому поводу дал правительствующий

Сенат России: «Приобретшим имущество от лица, которому такое не принадлежало (нет документов на владение), не признаётся собственником, а является незаконным владельцем. То общество, чьё имущество приобретено от лица, кому оно не принадлежало, способом, в законе дозволенном, не делает владение приобретателя законным»²³⁷. Ввиду того, что российское законодательство было распространено на Северо-Восточном Кавказе только во второй половине XIX века, все сделки, осуществлённые в предыдущие века, оказывались, следовательно, незаконными.

На владение общинной земельной собственностью не требовалось документов, как это было с частным землевладением. С введением российского юридического права, чеченские земли стали именоваться «общественными». Российскому правительству, естественно, было выгоднее иметь дело не с частными лицами, с которыми, в результате государственной конфискации земель могли начаться судебные разбирательства, а с сельскими обществами, фактически не имевшими юридических прав. Иски общественных организаций к государству не могли рассматриваться в юридическом порядке – вся земля являлась государственной, и общины ею пользовались «по праву временного владения», сроки и условия которого заявлялись государством.

Деморализация и разорение стали естественным результатом отсутствия в крае твёрдо установленного права собственности. У земли отняли хозяина. Это обстоятельство

стало большим тормозом не только для экономики региона, но и для культурного развития страны. Разрушение традиционных структур общества ради достижения рациональной общественной организации не принесло ожидаемого благополучия. Произошло отчуждение человека от истории, распадение связи времён. Обычай сопутствует развитию человечества, выполняет регулятивные функции в человеческих обществах и группах в целях упорядочения отношений между людьми, если обычай нарушается, то наступает хаос²³⁸.

Среди управляющих Кавказом чиновников были лица, понимавшие несправедливость уничтожения кавказских обычаев и нарушение частных прав граждан Российской империи. В 1907 году И.И. Воронцов – Дашков в своём отчёте императору указывал на пагубные последствия уничтожения института традиционных частных собственников на Кавказе. Вот как наместник сформулировал своё мнение: «Право собственности на землю составляет краеугольный камень экономического развития населения, и нарушать его, хотя бы в интересах фиска, невозможно. Добросовестное продолжительное владение, по нашим законам, приравнивается к собственности на их земли, когда вперёд известно, что они не в состоянии это сделать, было бы недостойным русского правительства. В земельной политике нашей стало преобладать стремление образовывать, для обеспечения удовлетворения будущих нужд государства, возможно больший земельный казённый фонд, в общем, не оправдала возлагав-

шиеся на неё надежды и в то же время развращала сельское население, отучая его уважать право чужой собственности. Я говорю о необходимости предоставления прав собственности населению областей военно-народного управления. Для этого необходимо заменить выдаваемые ныне населению “отводные” записи на “владенные”»²³⁹.

Рассмотрим вкратце стратиграфию сельской общины чеченцев. Необходимо заметить, что община пореформенного периода значительно отличалась от той, которая существовала у чеченцев в дореформенный период. В неё входили только свободные члены, которые, однако, по своему социальному положению были неравноправны. Так были «тоьялла нах» – сильные люди, «юккьера нах» – средние люди и «лахара нах» – «низкие люди». Основную массу аульной общины составляло среднее сословие. В социальную прослойку в то время ещё входили и люди, которых называли «лай, леш» (раб, рабы), хотя они и не были рабами в полном смысле этого слова. Они являлись домашними работниками хозяина, ухаживающими за скотом, выполняющими полевые работы. Эта социальная прослойка создавалась веками из военнопленных или беглых²⁴⁰.

Сельская община была основной экономической ячейкой, землераспределительным органом. Она следила за нравственностью своих членов, обеспечивала защиту селения, взаимопомощь и идеологическое единство²⁴¹. Достижение

40–45 летнего возраста знаменовало переход мужчины в социальный возраст старших и обретение им права заседать в общинном совете старейшин, решавшем самые важные для общины задачи²⁴². При важном значении военно – демократического устройства в жизни общества, когда каждая община являлась военной единицей, представлявшей особое народное ополчение, или же когда потенциально каждый член общины имел право участвовать в вооружённых конфликтах, политическая активность рядовых общинников оставалась достаточно высокой. В этом отношении показательно, что чеченцы, для того, чтобы ещё резче выразить своё равенство «...называют себя витязями или воинами». При данных обстоятельствах рядовые общинники не были безответной массой перед лицом классовой политики общинной верхушки. Они сами оказывали, в известной степени влияние на неё. В свою очередь как старшины общин и их союзов, так и военная общинная аристократия вынуждены были согласовывать свою политику с интересами народа²⁴³.

Чеченский тукхум – это своего рода военно-экономический союз определённой группы тейпов, – не связанных между собой кровным родством, но объединившихся в более высокую ассоциацию для совместного решения общих задач защиты от нападения противника и экономического обмена. Тукхум означает в переводе «семья, яйцо». Советательным органом тукхума был Совет старейшин, который состоял из представителей всех тейпов, в него входив-

ших²⁴⁴. По отношению к угрозе извне общество вынуждено было не только организовывать свою защиту и устраивать союзы, но также прославлять своё единство, связь и отличительные черты. Политическая власть внутренне присуща всякому обществу: она заставляет уважать основывающие её правила²⁴⁵. В родовом обществе культ предков составляет опору власти, люди пожилые используют его, чтобы сдерживать требования независимости со стороны младших. Превосходство и субординация там устанавливаются соответственно полу, возрасту, генеалогической ситуации, специализации и личным качествам. Родовая сегментарная система проявляется как особая комбинация политического и административного действия в структурах формально определённых пределами происхождения по одной линии. Исследователь Д. Истон констатирует, что необходимо «... рассмотрение каждого рода как независимой политической системы, а соперничество между родами, как проявление внешних отношений»²⁴⁶.

Не существует ни одного общества, где бы правила автоматически уважались. Сверх того, всякое общество, реализующее приблизительное равновесие, уязвимо. Начиная с момента, когда социальные отношения выходят за рамки отношений родства, устанавливается между индивидами и группами более или менее явное соперничество, каждый стремится направить действия коллектива в сторону сво-

их особых интересов. Власть (политическая) проявляется вследствие этого как продукт соперничества и как средство его сдерживания. Развал общины, подрыв семейных методов труда и авторитета старших сказывались на сплочённости коренных жителей.

В результате втягивания Кавказа в орбиту русского капитализма, под влиянием административно-судебной политики русского царизма сельская община из кровнородственной стала превращаться в соседскую²⁴⁷. В пореформенный период в сельской общине чеченцев, как и у других горских народов Северного Кавказа, происходили существенные изменения, связанные с изменением состава самих общинников. Так, например, появилось деление на коренных жителей и пришлых, а управление общиной было взято под контроль царской администрацией, стремившейся сохранить общину, как податную единицу, в новых условиях, приспособив её к ним, чтобы задержать процесс классового расслоения²⁴⁸. Во главе сельских общин царской администрацией были поставлены старшины, которые или избирались народом, или назначались властью. Должность писаря обычно выполнял мулла, т. к. он зачастую был самым грамотным человеком в селе²⁴⁹.

Горцы, в результате проведённой царизмом реформы, были наделены землёй не по числу жителей в каждом селе, а по дворам – подымно. «Искусственно созданный платёжный

дым, – писали “Терские ведомости”, – повлѣк и искусственное распределение земли при переделах. Так дым, имеющий одного работника или пять, получают земли поровну. Община начинает понимать несоответствие количества земли с числом лиц дыма, но до сих пор не дошла до мысли распределять и подати и земли настоящих работников. Незнание общиной своего права распределять подати и влияние богатых лиц, которым подымное распределение доставляет большие выгоды, всё ещё задерживает справедливое распределение земли и подати»²⁵⁰.

В силу сложившейся несправедливости распределения земли и взимания налогов, каждое лицо стало требовать от общины (её руководства) в пользование участок на равных с прочими членами. Однако в данном случае сельская община только играла роль землемера, межевщика и сборщика налогов (с помощью круговой поруки), которую ей поручила областная администрация, она не могла проявить в этом вопросе свою инициативу, т. к. не обладала для этого необходимыми правами.

На протяжении веков у горцев существовал обычай, по которому пастбищные угодья являлись общиной собственностью, а пахотные, усадебные и покосные земли были на правах частной собственности²⁵¹. В чеченских сёлах, до установления российских порядков, строго говоря, не было общественного пользования землями в том смысле, как это существовало в поселениях государственных крестьян

во внутренних губерниях России. Здесь пользовались общинами пастбищами, выгонами и лесом, а пахотные места распределялись между жителями для постоянного пользования и переходили по наследству из рода в род. Никаких переделов земли не полагалось, что и вызвало крайнее возмущение местного населения в связи с перераспределением земель в чеченских округах в ходе земельной реформы²⁵².

При обилии земли в переделе необходимости нет, однако в связи с тем, что равнинные чеченские земли были заняты Терским казачьим войском и на Кавказ прибыло довольно большое число русских переселенцев, государственная необходимость перераспределения земель существовала. При общинном землевладении постоянно перераспределяющиеся земельные участки не давали утвердиться частной форме собственности, что серьёзно тормозило сельскохозяйственное развитие региона²⁵³. Фактически, на Северном Кавказе было практически полностью уничтожено старое частновладельческое (родовое) пользование землёй, а общинная собственность стала занимать главенствующую позицию²⁵⁴. Понятие о земельном обществе, как субъекте права, не было утверждено законным порядком. Зачастую регламентировались обязанности сельской общины, но не её права. С юридической точки зрения общинное право могло существовать без круговой поруки и наоборот. Но зачастую члены общины об этом даже не догадывались и выполняли все возложенные

круговой порукой на них обязательства²⁵⁵.

Правовед Г. Пахман признавал субъектом права как общину, так и отдельных крестьян. Однако Сенат субъектом права признавал только общину, но не её членов. По его мнению, права членов общины – были дарованы им сельским обществом (юридическим лицом). 11 декабря 1891 года в решении за № 7343 правительствующего Сената, постановили, что «...только члены общества мужского пола имеют безусловное право требовать от общества обязательного допущения их к участию в пользовании мирским общинным наделом»²⁵⁶. Право собственности общины ограничивалось – она могла продать надельную землю лишь при согласии 2/3 числа её членов и с разрешения правительства, но не могла её заложить. Правила передела общинной земли были введены лишь с 1893 года. Закон не считал нужным до этого времени прибегать к подробному регламентированию внутренних отношений крестьян при общинном пользовании землёй.

Сущность общинного или общественного владения, как определил его Сенат 16 марта 1887 года, заключается в следующем:

- 1) полным хозяином общественной земли является общество: оно ею распоряжается;
- 2) отдельным физическим лицам принадлежит лишь право владения и то в ограниченном миром пределе;
- 3) без согласия мира никто не может уступить посторон-

нему лицу своего права участия в общем владении;

4) число членов общества, участвовавших во владении, не есть нечто постоянное, но изменяется.

В отличие от общинного, при подворном наследственном пользовании отдельному домохозяину отводился участок раз и навсегда определённой величины, облагаемый известным количеством податей и повинностей²⁵⁷.

В ходе возникавших земельных споров и по другим вопросам, сельская община не могла обратиться в суд с иском, т. к. хоть и считалась юридическим лицом, но не обладала необходимыми документами. Частные земельные владельцы, по крайней мере, получали от государства официальный документ на владение землёй, с номером приказа и топографическим планом их земельного участка²⁵⁸.

Установление фискально- податного порядка

Установление фискально-податного порядка было направлено, прежде всего, на получение дохода от налогового сбора. Основным признаком вхождения территории в состав государства являлось не завершение военных действий, а начало сбора податей с населения вновь присоединённых территорий, призыв на военную службу и т. п. Но введение любых денежных сборов провоцировало народное возмущение, поэтому Главнокомандующий Кавказской армией в 1859 году торжественно объявил, что «...Россия навсегда оставляет туземцев свободными от повинностей, обязательных для каждого гражданина в отношении общего для всех отечества, т. е. платежа каких-либо податей или прямых налогов и от службы в армии». Однако российское руководство, обманув ожидания населения, приступило к постепенному введению налоговой системы. Первоначально горцы были привлечены к отбыванию только натуральных повинностей. К числу натуральных повинностей, исполняемых населением Терской области, относились:

- 1) Содержание в исправности дорог, мостов, плотин. Постройка новых объектов.
- 2) Проведение и ремонт оросительных каналов.
- 3) Содержание лошадей для разъезда земской полиции по

делам службы.

4) Арестантско-этапная повинность.

5) Снабжение квартирами разных чинов военной службы, а также проходящих воинских частей.

6) Содержание аульных старшин, депутатов участковых судов и милиционеров. Каждый милиционер обходился сельскому обществу в сумму от 60 до 120 рублей в год. Данная сумма распределялась между сельскими жителями, в среднем, на 1 двор приходилось 2 рубля 25 копеек сбора²⁵⁹.

7) Предоставление помещений для воинских учреждений.

8) Обеспечение продовольствием за установленную плату проходящих нижних воинских чинов.

9) Отопление и освещение квартир и помещений, отведённых для военнослужащих.

10) Выделение войскам мест под лагеря и манёвры, а также снабжение их во время лагерного расположения.

11) Отвод пастбищ для лошадей, принадлежащих проходящим и постоянно квартирующим войскам.

12) Предоставление земель в городах и селениях под огороды для линейных батальонов и инвалидных команд.

13) Поставка подвод для передвижения войск.

14) Содержание почтовых станций²⁶⁰.

Особенно тяжким бременем ложились на население эти повинности во время войны, например, русско-турецкой. Тысячи солдат и офицеров двигались через Кавказ в Оттоманскую Порту, и каждого из них надо было приютить, обо-

греть и накормить.

В Терской области также взимались с населения земские сборы. Причём расходы на государственные и местные земские потребности удовлетворялись в казачьих регионах частично из государственного земского сбора, частично из войсковых сумм, а частью из сумм Государственного казначейства, направленных на содержание Кавказской армии. В горских же районах земские потребности удовлетворялись только за счёт самого населения. Горцам, в отличие от остального населения области, кредитов по означенной смете не отпускалось. Данная система налогообложения вводилась как временная, но просуществовала она довольно долго, постоянно продлеваемая Госсоветом. Помимо прямых земских сборов, существовали ещё и дополнительные – с торговых документов и питейных патентов, которые шли на сооружение дорог, мостов и другие цели²⁶¹.

В России земские учреждения были созданы в 1864 году, а в Терской области население было обложено земскими сборами с 1866 года, хотя самих земских учреждений там не существовало. Для того чтобы земства стали функционировать на Северном Кавказе, необходимо было местных князей в официальном порядке приравнять к русскому дворянству. Данное высшее сословие и играло бы ведущую роль в земствах. Но этого сделано не было. С установлением земских институтов самоуправления был бы положен конец «инструкционному способу управления» Северо-Во-

сточным Кавказом, когда для данного региона создавались «особые» законодательные положения, не вписывавшиеся в общероссийский кодекс законов. В большинстве случаев эти «региональные» законы составлялись самими кавказскими чиновниками-военными, зачастую не имевшими юридического и даже высшего образования, и они принимали решение лишь только потому, что они лучше были ознакомлены с бытом и нравами управляемого ими населения. Введение земства в Терской области означало бы конец самоуправству чиновников. Общероссийское законодательство полноправно распространилось бы на данный регион. Однако местные бюрократы опасались потери своей абсолютной власти и докладывали в вышестоящие инстанции, что горцы ещё не готовы к принятию земской системы²⁶².

В Терской области действовало специальное положение «О мерах для удержания туземного населения Терской области от хищничества и, в особенности, от всяких насилий против лиц не туземного происхождения». Согласно этому «правовому акту» вводилась коллективная ответственность горских селений даже в тех случаях, когда «...следы движения самих преступников, или похищенных, или угнанных ими лошадей или скота будут доведены до юртового надеда туземного поселения на расстоянии не далее одной версты от его околицы и там окажутся затерянными или забитыми...». При этом размер компенсации для потерпевшей стороны определялся «...по усмотрению начальника области

и наказного атамана, с утверждения командующего войсками округа и с добавлением расходов по розыску виновных». Яков Абрамов, председатель специальной комиссии, занимавшейся изучением земельного вопроса в Терской области, писал: «Суммы, выплачиваемые туземцами в силу круговой поруки, превосходят во много раз всякие подати и налоги, платимые населением. Круговая ответственность положительно разоряет туземцев»²⁶³.

Функционирование налоговой системы в имамате Шамиля

Налоговая система действовала и в имамате Шамиля во время Кавказской войны. Первое известие о взимании налогов мы встречаем в 1836 году, когда «...Шамиль обязал жителей содержать от каждых 10-ти дворов во всегдашней готовности по одному вооружённому человеку, с платежом от каждого двора по 1 рублю в год». Но это ещё только налог на содержание муртазек. Позднее этот налог вырастает уже в обложение хлеба. Например, в Чечне «...Шамиль сначала покупал хлеб по вольной цене, потом назначил таксу, невыгодную для чеченцев, и, наконец, стал собирать хлеб без платы, с каждого двора в виде подати». Если мы вспомним специализацию различных районов имамата, то для нас станет ясным, что налоговая система державы Шамиля в основном была построена на эксплуатации Чечни или, вернее, чеченского крестьянства. Дагестанец – скотовод или садовод платил несравненно меньше чеченца-хлебопашца. Чечня, традиционно являвшаяся житницей, давала главную часть налогов имамата Шамиля.

Помимо этого проводились и чрезвычайные сборы. Так, например, в декабре 1841 года Шамиль, готовясь к летним операциям, заготавливал продовольствие, «...собирая с каждого двора покорных ему жителей по две, а иногда и по

три сабы пшеницы». А в начале марта «...в аулах и в хуторах Большой и Малой Чечни собирали с каждого двора по 20 фунтов хлеба, набрав, таким образом, до 5000 мерок». Эти чрезвычайные военные сборы, разумеется, очень тяжело отзывались на хозяйстве крестьянина-горца, в то время как аульская верхушка сравнительно легко находила способы ускользнуть от обложения. В сороковых годах XIX века, общее демократическое направление политики имамата привело к отмене, наряду с зависимыми отношениями, и феодальной налоговой системы. Другим источником, из которого черпал свои средства имамат, было отчисление в казну 20 % военной добычи. Однако этот источник не был постоянным и надёжным. Уже в начале 1850-х гг. он начал резко сокращаться, да и добыча не всегда попадала в казну имамата, а присваивалась наибами²⁶⁴.

Введение «подымщины» в Терской области

«Подымщина» – система налогообложения, налог с «дыма» (дома), действовала в России с IX века по XVIII век (1724 г.), а затем была заменена подушной податью²⁶⁵. Впервые понятие «дым», то есть двор, или «семейство, доколе оно имеет нераздельное хозяйство», появилось в 1843 году. Обложение денежной податью горского населения правительство считало своей главнейшей задачей на Северном Кавказе. В 1865 году Главнокомандующий Кавказской армией, посетив Терскую область, принимает решение об обложении горцев денежной повинностью: «...Усилия администрации к водворению Гражданственности и порядка между туземным населением увеличилось в короткий срок столь блестящими результатами, что я нашёл туземцев уже готовыми принять денежную повинность – размер которой и объявил им лично. Совершившееся минувшим летом, в примерном порядке, переселение в Турцию значительного числа чеченцев доказывает прочность оснований, на которых держится в области спокойствие и безопасность. Ныне я лично убедился, что действительность превзошла все мои ожидания»²⁶⁶.

С 1 января 1866 года все горские племена Терской области должны были вносить государственную денежную по-

дать «... в размерах, особо определённых для каждого племени, сообразно степени его материального благосостояния». В первый год чечено-ингушский народ заплатил 68 тыс. рублей подымной подати, а к 1889 году эта сумма возросла до 93 тыс. рублей²⁶⁷. Чеченцы выступили против подымного сбора. Они считали его незаконным, наложенным вопреки первоначальным обещаниям, данным царским правительством в период прекращения Кавказской войны. В глазах многих чеченцев подымный сбор являлся ещё какой-то контрибуцией или данью. «Если заплатили сейчас столько, следующий раз потребуют ещё больше» – говорили они²⁶⁸.

На 9 марта 1866 года в 8 округах Терской области оказалось 48665 семей, обязанных выплачивать государству денежные подати. Но в то же время начальник Терской области предполагал, что при составлении переписи населения около 3000 семей горцев не были учтены. Местное население было обеспокоено введением новых налогов и зачастую скрывало от переписчиков истинное число дворов, людей в своём селе. Так, например, в 1873 году в Чеченском округе официально насчитывалось 13695 дымохозяйств, хотя их было на самом деле больше указанного числа.

Платёжной единицей являлось сельское общество. Причитавшаяся сумма взималась круговой порукой и не подлежала изменению, впредь, до составления нового камерального описания. Установление подымных окладов, где податной единицей служил не предмет дохода – земля, а двор, или

дым, тайло в себе возможность произвола, несправедливого и неравномерного обложения. Общества должны были внести подать и за те семьи, которые фактически не пользовались землёй по бедности или по другим причинам²⁶⁹.

В 70-80-е годы образование новых дымов происходило значительно быстрее, чем раньше. К 1889 году число дымов в Чеченском округе возросло до 19688. Таким образом, за 16 лет образовалось почти 6 тыс. новых дымохозяйств, или около 44 % от числа прежних. Новые усадьбы были невелики и редко превышали 500 кв. сажень, но это не задерживало процесса выделения хозяйств, так как доход от пая в несколько раз превышал подымную подать, и поэтому многосемейным было невыгодно пользоваться таким же паем, как и малосемейным. Отсюда возникло стремление многосемейных общинников делить надельную землю не по платёжным дымам, а по числу наличных работников²⁷⁰.

В 1897 году в городах: Грозном, Владикавказе, Кизляре, в которых также жили чеченцы – взамен подымной подати был введён налог с недвижимого имущества. Казачье население области никакими подушными или другими денежными сборами не было обложено. Казаки обязаны были лишь обеспечивать проходящие войска, рекрутские партии, переселенцев квартирами и подводами, поэтому вся тяжесть налогового гнёта ложилась на горцев.

Деньги, собранные с горцев, шли в основном на содержание областного управления. Денежный земельный оброк,

установленный на Кавказе, превышал аналогичный оброк для крестьян в Европейской России. В 1871 году отпуск государственных средств на удовлетворение местных потребностей в Терской области был прекращён²⁷¹. Интересным является тот факт, что в Терской области была введена именно подымная подать, а не государственный земельный налог. Дело в том, что выплата государственного земельного налога давала право владельцу на частную земельную собственность, а подымная подать предполагала плату за аренду земли у государства. Хотя, по неоднократным разъяснениям Правительствующего Сената, получение казной оброка само по себе не служило ещё доказательством прав казны на землю²⁷². До 1901 года, когда подымная подать была заменена государственной оброчной податью, в которую входила и аренда за землю, лица, претендовавшие на земельные участки в качестве собственников, нигде, никаких ходатайств об освобождении их от платежа подымной подати или замене её государственным земельным налогом не подавали. Только с 1901 года высшие сословия стали требовать обложить их не оброчной податью, а государственным земельным налогом, как частных земельных собственников. В связи с тем, что окладные листы на подымную подать составлялись на всё сельское общество без исключения, т. к. земля лиц высшего сословия входила в земельный надел всего общества, то при обложении оброчной податью, автоматически снова всё сельское общество было обложено новым налогом. Предста-

вители высших сословий Терской области стали подавать судебные иски о признании за ними права собственности на их земли, но все они проигрывались. Представитель казны заявлял на суде следующее: «... земли эти казённые и находятся в пользовании отдельных лиц, уплачивающих за это оброчную подать, куда входит и аренда, а, следовательно, они не являются частной собственностью»²⁷³.

Военная реформа

Вопрос о введении всеобщей воинской повинности на Кавказе возник во второй половине XIX века. Однако многие кавказские руководители ещё опасались брать на службу и вооружать своих недавних противников, поэтому вместо обязательного призыва мусульман Северного Кавказа в русскую армию, был введен денежный налог. На протяжении почти всей своей истории русская императорская армия представляла собой многонациональную вооруженную силу, которой командовал еще более космополитичный офицерский корпус. Численность, влияние и обширная сфера деятельности армии делала ее одновременно и ключевым социальным институтом, и инструментом возможной политической интеграции. Характерные черты имперской политики, формировавшей отношения между русским и нерусским населением страны, особенно ярко проявлялись в специфической области военной политики царизма, включая практику несения воинской повинности, развертывания войск, подготовки и пополнения офицерского корпуса и территориально-административного деления России. Все это зачастую было связано со спорами вокруг военной доктрины и с ведомственным противоборством как в самой армии, так и между министерствами – военным, внутренних дел и финансов²⁷⁴

Структуру общества больше всего затрагивали те действия власти, которые регулировали пополнение личного состава или рекрутирование войск. Рекрутская система была введена еще при Петре I и предусматривала пожизненный срок службы. В 1793 г. срок службы рекрутов сократился до 25 лет, в 1834 г. – до 20 лет и после Крымской войны составлял уже 12 лет²⁷⁵. Приходится с горечью констатировать, что уникальная смешанная система России, созданная трудом и кровью многих поколений разложилась и исчезла к середине XIX века. Казачьи войска все более стали приближаться к тактике действия регулярной конницы. Регулярную армию сначала попытались заменить на поселенческие войска, а потом полностью, не оставив никакого боевого профессионального ядра, превратили в кадровую военную организацию, в «вооруженный народ», а фактически в неподготовленное к войне ополченческое войско. Само «государственное ополчение», созываемое на службу в случае войны, служило уже необходимым «пушечным мясом», т. к. после 1812 года никто серьезно его в боевом отношении не готовил²⁷⁶.

Традиционная для России обязательная служба, исключавшая наймы и вербовку (предмет особой гордости), постепенно превращалась в ненавистную для народа «рекрутчину», «повинность», рутину, в которых постепенно погасли как высокая идея служения Родине, так и самобытное русское военное искусство. В течение 100 лет, с 1700 года по 1799 год, для комплектования армии было взято 2 271 000

рекрут, что составляло ежегодно 22 700 человек. Если считать ежегодный прирост населения даже в 2 %, то и в таком случае окажется, что армия бесповоротно вырывала у населения каждый год около 1/3 вновь прибывших работников. Еще более тяжелым оказалось для населения начало XIX века, потому что за время с 1802 по 1815 г. было взято около 2 160 000 рекрут, что составляло 41 % мужского населения в призывном возрасте от 20 до 35 лет.

На протяжении большей части XVIII в. рекрутскому набору подлежали, прежде всего, русские крестьяне. Однако по мере того, как империя расширяла свои границы по всем направлениям и тем самым включала в число своих подданных нерусское население, имперские власти чувствовали себя уже достаточно уверенными в лояльности некоторых нерусских народов и постепенно, в качестве опыта, распространяли на них воинскую повинность. С 1722 г. на военную службу должны были призываться черемисы, мордва и татары, а с 1737 г. и башкиры. Военные власти империи с большой осторожностью включали в ряды вооруженных сил присоединенное и завоеванное население, они были более склонны инкорпорировать нерусскую знать в состав офицерского корпуса²⁷⁷. Таким образом, обессиливая свыше меры необходимого рабочее население государства и значительно уменьшая его производительную силу, армия в то же время с каждым годом требовала от него все больших и больших материальных жертв на свое содержание²⁷⁸. А ведь сила и по-

бедоносность армии основывается не на милитаризации общества, а на внутреннем богатстве страны, на преобладании мира над войной, а качества над количеством войск²⁷⁹.

На протяжении XVIII–XX веков на содержание армии и флота ежегодно тратилось от 40 до 70 % расходной части государственного бюджета (не считая чрезвычайных расходов на военные программы и войны). Несмотря на это, периоды гражданского и внешнего мира не были долговечными (каждый век – 18–20 больших и малых войн), а армия была далекой от идеала качественной вооруженной силы, способной обеспечить безопасность России. Главная причина такого состояния заключалась в легкомысленном и безответственном использовании войны как средства великодержавной политики, не учитывающей возможности и способности страны. Большинство войн, в том числе и две мировые, велись неподготовлено (да еще и на кредиты и займы), армия обучалась уже в ходе военных действий и страна несла в связи с этим большие материальные и людские потери. Большинство войн, за исключением отражения прямых агрессий (1812 г), велось ради малопонятных для народа великодержавных целей и затевались как будто специально для того, чтобы максимально ослабить Российскую империю. Крымская и Кавказская войны перед всем миром продемонстрировали военное бессилие и необходимость реформ²⁸⁰.

Модернизация армии и флота

Начало военным реформам 60-70-х гг. XIX в. положил доклад царю Александру II от 15 января 1862 г., подготовленный военным министерством во главе с Д.А. Милютиным. Окончание реформ связано со смертью Александра II и выходом в отставку Милютин в 1881 году²⁸¹. Военная реформа рассматривалась как составная часть реформирования социальной и политической системы, начавшегося вслед за освобождением крестьян. Реформаторы желали модернизировать армию, учитывая как состояние вооруженных сил континентальных государств Европы, так и логические последствия Положения об освобождении крестьян 1861 года. Военная реформа должна была распространить воинскую повинность на новые этнические группы населения, вошедшие в состав Российской империи²⁸².

1874 год вошел в историю как год введения всеобщей воинской повинности. 1 января 1874 года рассмотренный общим собранием Государственного совета Устав о воинской повинности был утвержден Александром II, а также подписан специальный по этому поводу манифест. В Уставе было разъяснено, что «1) Защита престола и отечества есть священная обязанность каждого русского подданного. Мужское население, без различия состояний, подлежит воинской по-

винности; 2) денежный выкуп и замена охотником не допускаются... 10) поступление на службу по призыву решается жребием, который вынимается однажды на всю жизнь; 11) к жребию призываются ежегодно молодые люди которым, к 1 января того года, когда производится набор, минуло 20 лет от рода... 17) Общий срок службы в сухопутных войсках – 15 лет, из них 6 на действительной службе и 9 в запасе; 18) общий срок службы во флоте 10 лет (7 и 3 года)»²⁸³. Во всех как германских, так и австрийских газетах был напечатан текст Устава и помещены обширные статьи, комментировавшие это событие. Французская газета «Le Temps» подробно освещала вопрос о введении в России всеобщей воинской повинности²⁸⁴.

В результате проведенного реформирования от действительной воинской службы в мирное время освобождались медицинские и ветеринарные врачи, фармацевты, преподаватели высших и средних учебных заведений, а также учителя народных школ и штатные воспитатели. Все они на 15 лет зачислялись в запас. Воспитанники средних и высших учебных заведений вынимали жребий наравне с прочими, но поступление их в войска, в случае желанья, отсрочивались до окончания получения образования. В армию брали юношей с ростом, не ниже 2 аршин и 2, 5 вершка²⁸⁵. Льготы по роду занятий предоставлялись лицам следующих категорий: полностью освобождались от воинской службы священно-

служители всех христианских вероисповеданий, а также псаломщики, окончившие курс в духовных академиях и семинариях²⁸⁶. Правительство не сочло целесообразным предоставлять освобождение от военной службы священнослужителям мусульманского и иудейского вероисповеданий. Свое решение оно обосновывало тем, что у евреев и мусульман на духовные должности избираются люди только зрелого возраста, не нуждающиеся в такой льготе²⁸⁷.

Мусульманские народы Северного Кавказа и Туркестана, а также финны были освобождены от воинской повинности. Действовала также отсрочка по имущественному положению и по роду занятий. В тех местностях Кавказского края, где скотоводство составляло главную отрасль производства, разрешалось откладывать, не более, однако, как на один год, поступление на службу лиц, непосредственно заведующих принадлежащими им стадами. Количество скота, дававшего право на отсрочки, определялось: в Терской области командующим Кавказским военным округом и войсковым наказным атаманом казачьего войска. Удостоверение в принадлежности имущества выдавалось местной полицией²⁸⁸.

Заимствование европейского опыта военных реформ

В Российской империи военная реформа проводилась после тщательного изучения западноевропейского опыта в этой сфере. Большое внимание изучению зарубежного опыта управления войсками уделяли М.И. Драгомиров и Д.А. Милютин. Так, основываясь на личных впечатлениях от заграничных поездок по странам Западной Европы, Д.А. Милютин в своих воспоминаниях неоднократно отмечал отсталость России в сравнении с Западной Европой и полезность использования военного опыта зарубежных стран. Высказывая свои предположения по поводу порядка организации армии на условиях всеобщей воинской повинности, он пишет: «Мы лишены прочного основания, на котором могли бы построить полный план мобилизации, сколько-нибудь похожий на прусский. Тем не менее, необходимо, во что бы то ни стало предпринять работу, хотя бы приближающую к немецкому образцу»²⁸⁹.

Прусская армия в мирное время насчитывала 150 тыс. человек; в случае необходимости она увеличивалась до 500 тыс. человек. Содержание ее поглощало не более % части государственных доходов. Все мужчины, достигшие 20-ти лет, подлежали военному призыву. Прусская армия дели-

лась на отделы: 1) Постоянная армия. Служебный срок определялся 21–25 годами, т. е. составлял 5 лет; но действительная служба продолжалась лишь 3 года, остальные 2 года проводились в резерве, на родине, с обязательством вступить в ряды армии при первом требовании. Для пехоты служба длилась лишь 2 года. Военнослужащие для постоянной армии или набирались или же шли служить добровольно. Добровольная служба продолжалась обычно 1 год. Доброволец сам себя содержал и одевался за свой счет, но получал от казны оружие, приборы, пользовался также квартирой или квартирными деньгами. 2) Ландвер первого призыва состоял из людей, способных к службе, но не поступивших в регулярную армию (25–32 лет), и предназначался для подкрепления армии в случае войны. 3) В ландвере второго призыва служили люди, вышедшие из ландвера первого призыва, по истечении 39 лет. Ландверы второго призыва собирались только в случае войны и предназначались преимущественно для гарнизонной службы. 4) Отделение ландштурм включало в себя всех людей, вышедших из ландвера (до 50-ти лет) и всех взрослых мальчиков (от 17 лет). Ландштурм собирался по провинциям только во время войны, в крайнем случае, по «особому повелению Короля», и тогда уже, когда неприятель вступил в прусские владения.

Опыт западных стран широко применялся при реорганизации органов военного управления в России. Многие из прусского опыта построения вооруженных сил было исполь-

зовано в русской армии²⁹⁰. В то же время по требованию Александра II устройство Генерального штаба Российской армии было осуществлено по французскому образцу. Несмотря на влияние европейского опыта и использование его на практике, многое было изменено в ходе военной реформы применительно к местным условиям, на основе многовековых традиций, что способствовало созданию нового в военном деле²⁹¹.

Всеобщая воинская повинность способствовала укреплению связей между народами, населявшими просторы Российской империи. Многонациональный состав призывного контингента требовал от органов военного управления соответствующей работы по обеспечению политической благонадежности инородческого элемента, что вызывало необходимость учитывать некоторые особенности национального менталитета в армии. Как подчеркивалось военным министром Куропаткиным, в связи с призывом 26,6 % представителей неславянских народностей, перед вооруженными силами стоит задача сделать их в течение 4-х лет «вполне надежными во всех отношениях, преданных Царю и Великой России»²⁹².

В результате проведенного реформирования российской армии было сделано следующее: создана массовая армия, состоявшая из кадрового состава и резерва (в военное время численный состав армии увеличивался втрое, не прибе-

гая к формированию новых частей и соединений); вместо рекрутских наборов введена всеобщая воинская повинность, установлены новые сроки воинской службы; устранена излишняя централизация в управлении войсками, повысилась оперативность в руководстве ими; создана новая система организации войск; утверждена военно-окружная система, сформированы 15 военных округов; в боевой подготовке возрождены принципы А.В. Суворова; повышен уровень подготовки офицерских кадров в военно-учебных заведениях; начато перевооружение армии²⁹³. Подвергается переоценке роль и место офицеров в обучении и воспитании подчиненных. В условиях сокращения службы потребовались более активные воспитательные усилия. Если ранее эти задачи решались в основном младшими командирами, то теперь эта роль отводилась офицерскому составу.

Существовавший ранее порядок комплектования армии на основе рекрутских наборов, создававший благоприятные условия для процветания системы откупа от службы, приводил к тому, что служить шли далеко не самые лучшие элементы общества. Введение всеобщей воинской повинности позволило улучшить качественный состав призывного контингента. Из войск было уволено немало людей, неблагополучных в моральном отношении, склонных к различного рода нарушениям и преступлениям. «От такой перемены, – указывал военный министр Д.А. Милютин, – армия наша много выиграла»²⁹⁴.

Введенная в 1874 году всеобщая воинская повинность благотворно отразилась на морально психологическом климате в войсках. Появилась возможность уменьшить строгость наказаний без опасения нарушить дисциплину и порядок в армии. Суды стали давать достаточно много оправдательных приговоров, в том числе и в отношении нижних чинов. Анализ судебной практики в 1872–1880 гг. показывает тенденцию к смягчению приговоров за такие нарушения воинской дисциплины, как преступления, связанные с нарушением воинского чинопочитания и подчиненности. Увеличение числа оправдательных приговоров свидетельствовало о стремлении государственного и военного руководства при рассмотрении дел в полковых судах обеспечить принцип справедливости в отношении нижних чинов. Работа полковых судов способствовала повышению уровня правовой защищенности простого солдата, объективно подталкивала строевых командиров к более тщательной, аргументированной позиции в случае привлечения подчиненных к судебной ответственности.

Важно также отметить, что сразу же после введения всеобщей воинской повинности потеряла свою остроту проблема побегов, значительно сократилось количество военнослужащих, переводимых в разряд оштрафованных. Статистические данные показывают, что число бежавших из армии в 1872–1875 гг. уменьшилось по сравнению с 1867–1869 гг. почти в 2 раза. В этот период уменьшается коли-

чество военнослужащих, привлеченных к уголовной ответственности; продолжался процесс сокращения и числа телесных наказаний, что свидетельствовало о постепенном отказе от «палки», как главнейшего средства поддержания дисциплины. Если в 1872 г. к смертной казни, к каторжным работам или к ссылке были осуждены 137 нижних чинов, то в 1880 г. был вынесен 61 подобный приговор. После 1881 г. в условиях контрреформы, потребовавшей более жестких мер, общее количество осужденных за проступки стало постепенно увеличиваться²⁹⁵.

Положение российских мусульман после проведения военной реформы

С введением военной реформы башкиры наравне со всеми стали проходить военную службу в обычных воинских частях. В самом начале проведения реформы администрация края выразила опасения, что башкиры отрицательно отнесутся к всеобщей воинской повинности. Поводом к этому послужил слух, будто бы «...башкиры в привлечении их к обязательной воинской службе усматривают посягательство на их религиозные убеждения и верования, а также попытку пересоздать сложившийся на основании этих верований внутренний строй их жизни». С целью предотвращения возможного сопротивления коренного населения, уфимский губернатор Щербатский поручил мировым посредникам при содействии волостных старшин и приходских мулл разъяснять башкирам «истинные намерения правительства, внушить им мысль о высокой справедливости начал, положенных в основание воинского Устава»²⁹⁶. Исламские проповедники указывали на то, что «Российское государство настолько милостиво к мусульманам, что оно уравнило мусульман с русскими во всех правах без исключения. Мусульмане полностью равны с русскими, будь то в военной службе, в чиновничьей работе, в научных положениях, в поступлении

в учебные заведения для получения знаний»²⁹⁷.

Муфтий, как глава мусульман России старался уберечь своих прихожан от нарушения не только религиозных, но и светских (государственных) норм. Когда мусульмане Казанской губернии старались уклониться от несения воинской повинности, так как их семьи при этом лишались средств к существованию, муфтий обращался к ним с проповедью. Наставление муфтия Габдрахимова должно было убедить прихожан в необходимости несения службы в Российской армии. У мусульман-призывников вплоть до 1917 года практиковалось членовредительство, хотя это и противоречило религиозным догмам. Поэтому наставление муфтия было составлено в виде увещевания простых граждан, где основной акцент делался на религиозное запрещение наносить себе какой-либо вред. В силу того, что должность муфтия зависела от воли царского правительства, он не давал никаких разъяснений по поводу законности службы мусульманами христианскому самодержцу в православном государстве. Видимо, предполагая, что такой вопрос стоит перед каждым мусульманином, он пишет следующее: «...всякий мусульманин должен быть доволен судьбой, должен терпеливо и безропотно переносить посылаемые Аллахом несчастья»²⁹⁸.

Принятые меры дали блестящий результат. Башкиры не только перестали уклоняться от воинской повинности, но и «совершенно безропотно, а иные даже с охотой, явились в призывные участки и поступили в войска, если кому выпа-

дал такой жребий». Необходимость жеребьевки вызывалась тем, что ежегодному призыву подлежало гораздо большее количество людей, чем требовалось для комплектования армии и флота. Так, в Оренбургской губернии в призывные списки 1874 года было внесено 7 484 человека, из них для нужд армии и флота понадобилось всего лишь 1 506 человек. В Уфимской губернии в армию была призвана лишь пятая часть годных к военной службе.

Итоги и уроки военного реформирования

Подводя итог проведенной в Башкирии военной реформы, можно сделать некоторые выводы.

1. Военная реформа способствовала распространению грамотности среди населения края, т. к. предоставляла льготы для лиц, окончивших учебные заведения. Они служили от 4 лет до 6 месяцев, в зависимости от полученного образования.

2. Лица допризывного возраста, а также лица, имевшие образование, могли поступить на военную службу «вольноопределяющимися» и отбывать ее на льготных началах. Тем самым открывался доступ к офицерским званиям.

3. Военная реформа облегчала комплектование армии и ускоряла ее мобилизацию на случай войны.

Но были у реформы и свои недостатки.

1. Явка новобранцев на службу сопровождалась материальными расходами для семьи.

2. Плохо знавшие русский язык новобранцы не всегда понимали, какая льгота и на каком основании им полагается, им было в первое время весьма сложно общаться с сослуживцами и исполнять приказы.

3. Возраст новобранцев определялся в основном по внешнему виду, что приводило к включению в призывные спис-

ки лиц, не достигших призывного возраста или выбывших из него.

4. Женатые новобранцы по воинскому Уставу не имели права пользоваться льготой по службе, в связи, с чем их семьи попадали в бедственную ситуацию²⁹⁹.

После долгих обсуждений в правительственных кругах было решено временно не призывать горцев-мусульман Северного Кавказа в армию. Опасаясь брать кавказских горцев на воинскую службу чиновники приводили следующие аргументы: «...Горцы Северного Кавказа и Дагестана требуют гораздо более бдительного за собой надзора, чем мусульмане Закавказья, по взаимной их солидарности, основанной на долговременной общности их политических интересов»³⁰⁰. Также правительство опасалось, что в случае войны с Турцией и Персией, обученные военному делу в России горцы могут перейти на сторону своих единоверцев, не смотря на данную ими присягу³⁰¹. В связи со всеми этими доводами, наместник на Кавказе предполагал постепенно привлекать местных жителей к отбыванию воинской повинности, первоначально – на добровольной основе, в рядах особых частей.

Для разрешения этого сложного вопроса руководство пошло даже на крайне редкое для себя решение – дало возможность высказать по этому поводу своё мнение влиятельных горцев. 18 ноября 1883 года на особое совещание были приглашены представители Терской области: Арцу Чермо-

ев, Кайсун Анзоров и др. Горцы понимали величину своей ответственности и всю важность момента, поэтому в своих суждениях были очень осторожны. Они заявили, что прибыв в Тифлис по вызову администрации, а не по выбору народа, не получив от него полномочий, могут высказать только своё мнение. Вот что услышало кавказское руководство: «Вопрос о введении воинской повинности сводится к вопросу о разрешении переселяться всем, не желающим ему подчиниться, в Турцию. На остальных эта повинность должна распространяться без всякого изъятия из общего Устава. Если Правительству неуютно это будет, то будут большие волнения»³⁰². Однако кавказским руководством было принято другое решение этого вопроса, более прибыльное. По закону № 5741, от 28 мая 1886 года инородческое население Кавказа было привлечено к отбыванию воинской повинности. Однако для мусульман было сделано исключение – вместо исполнения воинской повинности натурой, с них взимался особый денежный сбор в доход государственной казны. По этому же закону все инородцы, находившиеся на действительной военной службе, а также их семьи – освобождались от государственных, земских и общественных денежных сборов. Сами военнослужащие освобождались от натуральных повинностей. Интересно, что в этом привилегированном положении не оказались горцы, поступившие на службу «охотниками» – а ведь их было среди чеченцев подавляющее большинство, т. к. воинского призыва не существовало, а кадровых

офицеров тоже было совсем немного. Таким образом, все чеченские всадники – служившие в разных российских полках, воевавшие на Кавказе, в Турции, а также милиционеры и стражники, наравне с остальным населением должны были нести все повинности и денежные сборы. По мнению правительства, это должно было «рублём» стимулировать население к стремлению введения на их территории воинской повинности³⁰³.

Освобождение чеченцев от несения воинской повинности

Летом 1887 года военно – налоговый вопрос получил окончательное решение. Чеченцев, как и других кавказских горцев – мусульман освободили от натуральной воинской повинности, заменив её денежным налогом³⁰⁴. 25 мая 1898 года императором было утверждено мнение Госсювета об отмене особого порядка отбывания личной воинской повинности, установленной для туземцев – не мусульман. С 1899 года в отношении отбывания повинности они были сравнены с коренным русским населением. Новобранцы из Терской области, назначавшиеся только в расположенные на Кавказе войска, стали распределяться и в сопредельные округа. По мнению руководства, это способствовало обрусению края³⁰⁵.

Служба чеченских добровольцев в армии Российской империи

Мусульмане Северного Кавказа были свободны от воинской повинности. Это, однако, не препятствовало их добровольному поступлению на военную службу, напротив, последнее всемерно поощрялось. Горцы-мусульмане Северного Кавказа служили в Собственном е.и.в. Конвое, гвардейских и армейских регулярных частях, иррегулярных частях, казачьих полках Терского и Кубанского войск, причем, нередко достигая на этой службе высоких командных постов³⁰⁶. Особенно много горцев служило «охотниками» в Кавказских иррегулярных частях. Кавказские иррегулярные части – военные формирования, временно создаваемые из коренного населения Кавказа в XIX в. на время военных действий и для обеспечения внутреннего порядка в Кавказском регионе. Руководство Кавказскими иррегулярными частями осуществляло Военное министерство, в составе которого они вошли в ведение Департамента военных поселений (1832–1857), Управления иррегулярных войск (1857–1867), Главного управления казачьих войск (1867–1917).

Во время русско-иранской 1826-28 и русско-турецкой 1828–1829 войн были сформированы милицейские подразделения (Аварское, Армянское, Горское, Грузинское, Даге-

станское, Ингушское, Осетинское и др.), основная часть которых была распущена после завершения военных действий. В 1835 году российские власти образовали два полуполка (шесть сотен) из кавказских мусульман, горцев – Мусульманский и Кавказско-Горский. Первый просуществовал все царствование Николая I, а второй в трехсотенном составе был отправлен в Варшаву, где также себя очень хорошо показал. В 1860-62 гг. власти сформировали Терский конно-иррегулярный полк, Лабинский и Кубанский конные иррегулярные эскадроны. В 1865 году они были упразднены, а вместо них учреждены Кубанская и Терская милиции. В Терском конно-иррегулярном полку состояло двое мулл: старший и младший, впервые указанные как строевые чины. В 1868 году был отменен дискриминационный указ, по которому мусульман могли награждать орденом Свято Владимира IV степени только за военные заслуги. Теперь эту государственную награду они могли получать «за отличия по выборам дворянства и за выслугу в офицерских или классных чинах 35-ти лет»³⁰⁷. Во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. временно из горского населения Кавказа на добровольных началах были сформированы 6 конных и 7 отдельных конных сотен, 3 конные и 3 пешие дружины. В конце XIX – начале XX вв. количество кавказских иррегулярных частей постепенно сокращалось, а наиболее боеспособные переводились на постоянную службу. В 1904 году были сформированы – Кавказская конная бригада и 2-й Дагестан-

ский и Терско-Кубанский полки³⁰⁸.

После окончания Отечественной войны и завершения заграничных походов 1813–1814 годов принимается ряд важных законов, регулирующих духовную сторону службы мусульман в русской армии. В книге I части I высочайше утвержденного «Наставления Саперным батальонам» от 19 августа 1818 года определялось: «Магометан или всякого другого закона нижних чинов в церковь ходить не принуждать, а оставлять на их произвол». Через год, 10 июня 1819 года выходит высочайшее повеление, согласно которому «нижние чины Магометанского закона в дни, совершаемые по их вере и обрядам особого Богослужения (трехдневного), должны увольняться для сего на показанное по их закону время, накануне тех дней». Эти две статьи Свода военных постановлений, по сути, положили начало толерантному отношению к религиозным правам военнослужащих-мусульман в регулярной армии.

30 апреля 1836 года выходит в свет именной указ Николая I «О производстве жалования по 100 рублей в год священникам иностранных исповеданий за исполнение треб в военных госпиталях», который послужил основой для привлечения мусульманского духовенства на службу в морское ведомство и военно-врачебные заведения. Также, именным указом Николая I от 10 августа 1842 года, объявленным командиру отдельного Кавказского корпуса «О производстве жалования Мулле, приглашенному в крепость Анапу, для от-

правления богослужения в Магометанской мечети», начинается череда указов о привлечении на государственную службу мусульманского духовенства на Кавказе.

В 1848 г., через Духовное собрание военные муллы принимают попытку добиться ношения религиозной формы одежды вместо солдатской униформы, а также бороды. Их предложения отклоняются³⁰⁹. В 1849 году увидел свет ряд законодательных актов о мусульманах в военном ведомстве. Высочайшим повелением от 5 марта «О освобождении содержащихся в арестантских ротах арестантов Магометанского и Еврейского исповеданий от работ для молитвы» впервые религиозные права для нехристиан начинают гарантироваться осужденным военнослужащим. Именным указом Николая I от 6 июля 1854 года утверждается порядок командирования мулл для исполнения духовных обязанностей между нижними чинами мусульманами, служащими в резервной кавалерии и в округах военного поселения³¹⁰.

В конце 1877 года в российской армии были учреждены штатные должности мусульманских мулл и имамов. Подчеркнем, что штатное военное духовенство, независимо от исповедания, пользовалось в Российской империи офицерским содержанием при лечении, пенсиях, столовых деньгах и всех прочих положенных выплатах. В 1879 году приказом по военному ведомству были внесены дополнения в правила о погребении скончавшихся военнослужащих-мусульман. В частности, разрешалось дополнительно к выделению для

погребения холста покупать и доски «для обкладывания погребаемых, там, где, по влажности почвы и заявлению муллы это окажется необходимым».

Конец XIX – начало XX вв. явился переломным периодом в отношениях государства и мусульманского духовенства. После указа 1896 года об упразднении штатного мусульманского духовенства в войсках оно осталось лишь в Дагестанском конном и Крымском драгунском полках и на военно-морском флоте. В последующий период, особенно в начале XX века, штатное мусульманское духовенство в войсках будет возрождаться. В марте 1899 года утверждается положение Военного Совета, устанавливавшее единый размер окладов жалованья для всех категорий священнослужителей, состоящих на службе в военном ведомстве. Тогда же предписаниями по Московскому и Кавказскому военным округам, был установлен порядок представления к наградам иноверческих священников, занимающих штатные должности³¹¹.

Не смотря на совокупную тяжесть всей налоговой системы, чеченское население – казалось бы, самое «беспокойное и ненадёжное» исправнее других выплачивало все сборы, подати, регулярно исполняло повинности. Прежде всего, это говорит о порядочности и законопослушности этих людей, т. к. заставить силой выполнять эти обязательства у правительства просто не было возможности, в тот период времени. Даже в самые тяжёлые и трагичные годы, например, во время

мощного восстания 1877 – 1878 годов, когда войсками были уничтожены целые сёла, угонялся скот, сжигались посевы – за подозрение в оказании помощи восставшим – областное руководство констатировало, что по крупнейшим чеченским округам: Веденскому и Аргунскому, денежные сборы поступают почти без недоимок³¹². Статистические данные показывают, что в Терской области из всех округов самые малые недоимки по денежным сборам в 1886 году были именно в трёх чеченских округах: Веденском, Аргунском и Грозненском. В Кизлярском округе недоимки составляли огромную сумму – 67594 рубля. В тот же год недоимки Веденского округа равнялись 65 рублям 9 копейкам. Рассмотрим таблицу недоимок по крупнейшим округам Терской области:

Округа	Недоимки	Недоимки	Недоимки	Недоимки
	1885 год.	1886год.	Уменьшились	увеличились
Грозненский	4146 руб.8коп.	7175 руб.10коп.		3029 руб.2коп.
Веденский	66 руб.29коп.	65 руб.9коп.	1 руб.20коп.	
Аргунский	149 руб.81коп.	154 руб.50коп ³¹³ .		

В 1887 году недоимки увеличились по Веденскому округу на 16 рублей 83 копейки, Аргунскому округу на 182 рубля 31 копейку, Владикавказскому округу на 11898 рублей 83 копейки и уменьшились по Грозненскому округу на 1630 рублей 77 копеек³¹⁴.

Не всегда денежные поборы, собранные у населения, до-

ходили до казны, случались и злоупотребления. Чтобы установить законный порядок в обращении денежных средств начальник Терской области иногда устраивал проверки по налоговым сборам, посещая различные сельские общества вверенного ему края. И приходил, зачастую к неутешительным выводам: «При ближайшем моём ознакомлении во время объезда области, – писал он в одном из своих приказов, – я убедился, что в действительности отчётность эта, в виде шнуровых книг, изображает одну формальность, ни дающую никакого представления о том, сколько на самом деле взыскивалось с туземного населения денег, куда и на что они употреблялись. А между тем они составляли значительную сумму»³¹⁵.

После завершения Кавказской войны, руководство Российской империи, прежде всего, хотело восстановить те огромные средства, которые государство затратило в ходе присоединения непокорного края. Следующей задачей являлось получение от него значительной прибыли в виде налоговых сборов, разработки природных ресурсов, развития рынка сбыта товаров, установления плацдарма для ведения войн и развития торговых отношений с зарубежными странами.

По мнению командира Кавказского корпуса (в 1838–1843 гг.) генерала Головина, во время Кавказской войны ежегодно гибло до 30 тыс. человек, а шестая часть доходов Российского государства шла на ведение войны³¹⁶. Уже в

80-е годы XIX века Северный Кавказ становится прибыльным для Российской империи. Приведём для примера количество лишь нескольких видов денежных сборов. Денежный воинский налог, введённый в 1887 году, составлял для всего Кавказа сумму в полмиллиона рублей³¹⁷. Годовая сумма этого налога по Терской области составляла 38000 рублей³¹⁸. Только появились в послевоенной Терской области почта и телеграф, а уже в 1886 году в государственную казну поступило от их работы выручка на сумму 69980 рублей. А ведь содержание почтовых станций было целиком возложено на местное население и в этом немалом доходе большая часть приходилась на их труд³¹⁹. Мы уже не говорим о прибыльности подымного сбора и стоимости натуральных и земских повинностей – исполняемых полумиллионным населением. Богатейший Кавказский край начал вносить свою существенную лепту в государственную казну Российской империи. Таким образом, после окончания Кавказской войны финансовое положение края стало постепенно улучшаться. С 1863 по 1872 гг. доходы выросли на 75 %.

Местный бюджет, составлявшийся отдельно от общероссийской росписи, постоянно показывал превышение доходов над расходами. В период с 1855 по 1881 гг. доходы превысили расходы на 7 млн. рублей³²⁰.

После окончательного включения Северо-Восточного Кавказа в состав империи привлечение горцев на военную

службу стало носить самые разнообразные формы. Это была и местная милицейская служба, и создание национальных воинских частей в составе российской армии, и допуск отдельных представителей горских народов на службу в составе казачьих и регулярных частей. Весной 1844 года правительство России приняло специальное постановление о привлечении горского дворянства на службу в русскую армию. Особое внимание в нём уделялось воспитанию горской молодёжи в духе верноподданнического служения российскому престолу. С этого времени ежегодно по шесть детей кавказских дворян и князей определялись в 1-й и 2-й Павловские кадетские корпуса, в Александровский – двенадцать.

Подготовка офицерских кадров из горской знати становится одним из направлений российской политики в регионе³²¹. Опыт привлечения горцев к воинской службе первой половины XIX века демонстрировал властям готовность горцев служить российскому государству, показывал, что горцы на службе приносят реальные выгоды интересам российского государства³²². При этом корни чеченского офицерства – в старшинском и владельческом сословии. Так, отец одного из первых чеченских офицеров – Сулеймана Чуликова, в начале XIX века переселился в Притеречье с несколькими зависимыми семьями, где основал Чулик-Юрт на захваченных им свободных землях. Дед ротмистра У Лаудаева владел землёй в горной Ичкерии, а, переселившись к Тереку, основал селение Ногай – Мирза-Юрт. Он и его сын пользовались

в этом селе всеми правами владельцев и являлись старшинами. Капитан Ногаев происходил из семьи, владевшей землями возле Харачоя, а затем переселившейся на реку Мичиг. До восстания 1840 года проживавшие на их землях крестьяне платили Ногаевым такие же подати, какие выплачивали другие крестьяне надтеречным и кумыкски князьям. Предки ещё одного офицера – Ш. Ужиева некогда владели селением Гелдиген, пока не были изгнаны мюридами имама Шамиля. Феодалными владельцами были и князья Турловы, Бековичи – Черкасские, также традиционно служившие в русской армии³²³. В начале XX века некоторые чеченские фамилии уже дали для русской армии по два-три поколения офицеров. Так, сын генерала А. Чермоева – Абдул – Межид Чермоев, после окончания в 1901 году Кавалерийского училища, проходил службу в Императорском конвое. С началом Первой мировой войны он вновь вернулся на службу и в чине штаб – ротмистра некоторое время воевал в составе Чеченского полка «Дикой дивизии»³²⁴. К началу Первой мировой войны большую известность в армейских кругах приобрёл генерал Ирисхан Алиев, выдающийся артиллерист, отличившийся в русско – японской войне, автор ряда учебников для офицерских школ. Он был уроженцем села Старые Атаги³²⁵.

История развития чеченского дворянско-княжеского сословия в советской историографии, в силу ряда известных причин, уделялось крайне мало внимания. Общественно-

сти, с помощью различных публикаций, навязывался образ демократического, бесклассового чеченского общества. Однако исторические события развивались несколько иначе. Потомственных дворян чеченской национальности перепись 1897 г. зафиксировала в количестве 118 человек. Почти половина из них (49,15 %) проживала в г. Грозном (31 человек) и Грозненском округе (27 человек). Они были учтены в г. Владикавказе (23 человека) и Сунженском округе (31 человек).

Существенный вес, по сравнению с другими местными народами, в чиновничьем аппарате Терской области занимали чеченцы. Согласно результатам обработки материалов переписи, личных дворян и классных чиновников чеченской национальности было 3,09 %. В горских школах был отмечен высокий процент дворян среди учащихся. Больше всего дворян среди учеников было в частных учебных заведениях Терской области. Мусульманская знать считала своим долгом содействовать распространению просвещения среди горцев и выделяла финансы на развитие горских школ. Уровень светского образования дворян Северного Кавказа был ниже, чем в целом по России. Депутаты дворянского собрания обратились к министру внутренних дел с просьбой допустить участвовать в делах собрания дворян, не имеющих высшего и среднего образования. Однако министр не дал согласия и предложил дворянским детям получить образование в столичных вузах. Дворянство ответило отказом, т. к.

не имело для этого никаких материальных возможностей. Дворянское депутатское собрание лишь изредка оплачивало обучение детей обедневших дворян в местных учебных заведениях³²⁶.

Вайнахи в своём историческом развитии в той или иной степени прошли определённую стадию феодальных отношений; хотя последние, однако, серьёзно ограничивались или смягчались у них сильными общинными традициями³²⁷. В статье Э.В. Ртвеладзе «О походе Тимура на Северный Кавказ» на основе документальных данных убедительно показано, что в конце XIV века в юго – восточной части Чечни, в равнинной Ичкерии, существовал улус, то есть феодальное государственное образование, известное под названием Симсим³²⁸. Чеченский этнографический материал говорит о далеко зашедшей классовой дифференциации среди местного населения³²⁹.

Общественный быт вайнахов, его историческое прошлое, народные идеалы отражены и в фольклоре. Среди персонажей сказок довольно часто встречается князь (эла), которого народ наделяет почти всегда самыми непривлекательными чертами: жестокостью, коварством, надменностью, злостью. Добрый герой сказки борется и побеждает его.

В чечено-ингушских песнях (илли) имеется богатый, более или менее конкретный материал, говорящий о местных и пришлых князьях, о приглашении или избрании князя с

ограниченными правами, и о неоднократном свержении народом князей, ставших деспотами³³⁰. О некоторых князьях, владельцах имеются письменные сведения. Наиболее раннее упоминание о социальной дифференциации среди горцев находим у И.А. Гюльденштедта в его «Путешествии по Кавказу в 1770–1773 гг». Он писал: «Некоторые немногие имеют независимых влиятельных князей, как, например, чеченцы, другие не имеют дворянства. Ныне живущий князь Арсланбек имеет на западной стороне Аргуна принадлежащие ему деревни. Князь Хасбулат убит чеченцами. Правящая фамилия называется Туркан»³³¹. Во второй половине XVIII века князья Турловы основывают селения Верхний и Нижний Наур. Старейшее надтеречное селение Старый Юрт основано в 1705 году кабардинским князем Давлет – Гирем Бекевичем – Черкасским. Позже, также князьями Черкасскими, основывается село Бамат-Юрт³³².

Дореволюционные историки не только приводили общие сведения о чеченских князьях, но и ставили в пример конкретных чеченцев, своих современников, которые принадлежали к привилегированным сословиям. Так, в работе П.Г. Буткова приводятся следующие чеченские владельцы: Ахмет – Хан, Али – Султан Казбулатов, Кучук Мурза Раслаббеков, Куденет Баматов, Асланбек Таймазов, Турлок Ахлов и другие потомственные влиятельные лица Чечни³³³. Не все феодалы могли претендовать на княжеский титул, большая

часть их имела звание «юртан да», буквально «отец села, его владелец». Эта часть нахских феодалов обозначалась в российских источниках под титулом «мурза»³³⁴. По мнению российского правительства, «прямых и несомненных потомков прежних в Чечне князей», называют «князья», «эли» или «бии». Таких, к 1879 году администрация насчитала 10 семей, наделила их землёй и сохранила за ними их почётные звания³³⁵.

Строительство башенных комплексов связано со стремлением феодализирующейся верхушки горных общин держать под контролем территорию того или иного ущелья, общества или дорогу, имеющую важное хозяйственное или военное значение. При этом на территории Чечни на горные селения приходится не более одной завершённой боевой башни³³⁶. Найти князя для чеченцев было очень трудно. Выбрать авторитетных представителей из своих старых знатных родов по преданию, чеченцы опасались, ибо такой князь, используя княжескую власть и опираясь на многочисленных родственников, территориально близких ему людей мог постепенно перестать считаться со старейшинами – проводить одностороннюю политику в пользу своих и превратиться в деспота, а попытка освободиться от такого князя породила бы страшную междоусобицу. Приглашать князя из далёких стран тоже не хотели.

Имеются предания, говорящие о попытках выбрать кня-

зя, об избрании князя, о приглашении князей со стороны, об ограничении княжеской власти советом старейшин, о свержении князей, об изгнании князей, о расправе народа над некоторыми особенно жестокими князьями³³⁷. Многого говорит о том, что чеченцы ранее страдали от княжеского деспотизма, свергнутого ими в последствии. Феодалные повинности, которые представителями вайнахской феодалной верхушки навязывались крестьянам, состояли в основном из подати зерном, скотом и орехами, содержания господского скота с восстановлением всех видов падежа. Заготовка сена и строительного материала, пастушество, изготовление ремесленных изделий – лежали на обязанностях крестьян. Не довольствуясь этим, феодалы стремились захватить в личное владение общинные земли и низвести крестьян до положения крепостных. Чеченская устная традиция сохранила немало примеров того, как князья расправлялись с крестьянами³³⁸

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.